

С К А З К А

И

М И Л О Т Ъ.

С Т А Т Ь Я

А. Н. Аѳанасьева.

4420-0

В О Р О Н Е Ж Ъ.

1864.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

СКАЗКА И МИФЪ (*).

До послѣдняго времени существовалъ нѣсколько странный взглядъ на народныя сказки. Конечно, ихъ тщательно собирали, съ уваженіемъ относились къ ихъ поэтическимъ образамъ (хотя послѣднихъ и не всегда понимали), пользовались нѣкоторыми сообщаемыми ими подробностями, какъ свидѣтельствомъ о древнѣйшихъ вѣрованіяхъ, цѣнили живой и мѣткій ихъ языкъ, искренность и простоту эстетическаго чувства; но въ то же время въ основѣ сказочныхъ повѣствованій и въ ихъ чудесной обстановкѣ видѣли праздную игру ума и произволь фантазіи, увлекающейся за предѣлы вѣроятности и дѣйствительности. Сказка—складка, пѣсня—быль, говорила старая пословица, стараясь провести рѣзкую границу между эпосомъ сказочнымъ и эпосомъ историческимъ. Извращая дѣйствительный смыслъ этой пословицы, принимали сказку за чистую ложь, за поэтической обманъ, имѣющій единою цѣлью занять свободной досугъ невозможными и невозможными вымыслами. Несостоятельность такого воззрѣнія уже давно бросалась въ глаза. Трудно было объяснить, какимъ образомъ народъ, вымышляя фантастическія лица, ставя ихъ въ извѣстныя положенія и надѣляя ихъ разными волшебными диковинками, могъ постоянно и до такой степени оставаться вѣренъ самому себѣ, и на всемъ протяженіи населенной имъ страны повторять одни и тѣ же представленія. Еще удивительнѣе, что цѣлыя массы родственныхъ народовъ сохранили тождественныя сказанія,—сходство которыхъ, не смотря

на устную передачу ихъ въ теченіе многихъ вѣковъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, не смотря на позднѣйшія примѣсы и на разнообразіе мѣстныхъ и историческихъ условій, обнаруживается не только въ главныхъ основахъ преданія, но и во всѣхъ подробностяхъ и въ самыхъ приѣмахъ. Чтò творится произволомъ ничѣмъ не сдержанной фантазіи, то не въ состояніи произвести такого полного согласія и не могло бы уцѣлѣть въ такой свѣжести; творчество не остановилось бы на скучномъ, тождественномъ повтореніи однихъ и тѣхъ же чудесъ, а стало бы выдумывать новыя. Доказательствомъ служатъ всѣ искусственныя поддѣлки подъ народные рассказы, поддѣлки, въ которыхъ чудесное близко граничитъ съ нелѣпницей и бессмысліемъ. И къ чему народъ сталъ бы беречь, какъ драгоценное наслѣдіе старины, то, въ чемъ самъ бы видѣлъ только вздорную забаву? Нѣтъ, сказка не пустая складка; въ ней, какъ и вообще во всѣхъ созданіяхъ цѣлаго народа, не могло быть и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ни нарочно-сочиненной лжи, ни намѣреннаго уклоненія отъ дѣйствительнаго міра. Точно также старинная пѣсня не всегда была; она большею частію только переноситъ сказочныя преданія на историческую почву, связываетъ ихъ съ извѣстными событіями народной жизни и прославившимся личностями, и чрезъ то вставляетъ стародавнее содержаніе въ новую рамку и придаетъ ему значеніе дѣйствительно-прожитой бытины. Сказка же чужда всего историческаго; у ней другая задача, другія цѣли. Предметомъ ея повѣствованій былъ ни человекъ, ни его общественныя тревоги и подвиги, а разнообразныя явленія всей обоготворенной природы. Чудесное сказки есть чудесное могучихъ силъ природы, и потому въ собственномъ смыслѣ оно нисколько не выходитъ за предѣлы естественности, и если поражаетъ насъ своею невѣроятностью, то единственно потому, что мы утратили непосредственную связь съ древними преданіями и ихъ живое пониманіе.

Происхожденіе тѣхъ баснословныхъ представленій и образовъ, изъ которыхъ создались народныя сказки, тѣсно связано съ происхожденіемъ самаго языка и начальныхъ

воззрѣній челоуѣка на природу. Первобытныя языки, какъ убѣдительно доказано новѣйшими филологическими розысканіями, были исполнены метафоръ, и это условливалось самою сущностью челоуѣческаго слова. Въ эпоху своего созданія, слово являлось не техническимъ обозначеніемъ извѣстнаго понятія, а живописующимъ, нагляднымъ эпитетомъ, выражающимъ ту или другую особенность видимаго предмета и явленія; оно не въ состояніи было уловить всего объема передаваемого имъ понятія, а указывало на одну изъ болѣе рѣзкихъ, болѣе кидającychся въ глаза его сторонъ. Отсюда во-первыхъ возникла потребность въ сопоставленіи многихъ словъ выражающихъ различныя качества одного и тогоже предмета, чтобы такимъ образомъ яснѣе описать его съ различныхъ сторонъ; во-вторыхъ родилось неудержимое стремленіе сближать видимые предметы и явленія по нѣкоторымъ сходнымъ ихъ признакамъ, давать имъ одинаковыя названія, и одно понятіе объяснять чрезъ посредство другаго. Если это и лишало первобытныя языки строгой опредѣленности, за то щедро надѣляло ихъ поэтическимъ колоритомъ. Всякій предметъ рисовался въ его наиболѣе характерныхъ свойствахъ или въ самомъ дѣйствиіи — не какъ отвлеченная мысль, а какъ живой образъ. Такъ какъ весь интересъ младенческихъ народовъ сосредоточивался на матери-природѣ, отъ которой зависѣло все ихъ благосостояніе, то понятно, что она по преимуществу сдѣлалась предметомъ обожанія и наблюденій. Обогащая природу, признавая въ ней живое существо, челоуѣкъ всѣ свои первыя воззрѣнія на ея силы и явленія, или прямѣе — всѣ свои вѣрованія необходимо выразилъ въ поэтическихъ описаніяхъ, гдѣ большая часть представлений были чистыя метафоры; иначе онъ и не могъ выразиться. Словомъ, миѣъ и поэзія были одно и то же. Метафорическій языкъ, общедоступный вначалѣ, съ теченіемъ времени, при забвеніи кореннаго значенія словъ и при возникшемъ стремленіи усвоить за каждымъ словомъ одно опредѣленное понятіе, — становится *загадочнымъ*. До сихъ поръ поэты называютъ молодой мѣсяць золо-

тымъ серпомъ, полную луну—ночную лампадою, солнце — всемірнымъ окомъ, озирающимъ съ высоты пространную землю; но всё эти выраженія намъ понятны, и произнося ихъ, мы нисколько не думаемъ, что они были извѣстны въ самую раннюю эпоху жизни человѣчества и породили множество мифическихъ сказаній, которыя цѣлѣмъ покажутся намъ страннымъ вымысломъ, если мы не обратимъ вниманія на источникъ ихъ происхожденія. А сколько такихъ метафоръ, которыя давнымъ-давно отжили свой вѣкъ, хотя порожденныя ими басни доселѣ живутъ въ памяти различныхъ народовъ. Если разоблачить всё метафорическіе образы, встрѣчающіеся въ народномъ эпосѣ, то все фантастическое, все загадочное въ немъ объяснится само собою; и надобно замѣтить, что въ послѣднее время, при тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука языкознанія, ученые уже начинаютъ выступать на эту настоящую дорогу.

Съ такой точки зрѣнія обратимъ мы вниманіе на нѣкоторыя русскія сказки, въ связи съ вѣроваціями и сказками, принадлежащими всей семьѣ арійскихъ народовъ, и прежде всего остановимся на преданіи объ *окаменѣнномъ* царствѣ.

Преданіе это составляетъ общее достояніе всѣхъ индоевропейскихъ народовъ (см. Нар. Рус. Сказки, вып. V, № 40; Westslawischer Märchenschatz, стр. 134—5; Deutsche Volksmärchen Гальтриха, стр. 143—8; Walach. Märchen, № 7; Тысяча и одна ночь, т. II, стр. 217—9; Narodne pripovjedke Валявца, стр. 56—57). При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, рассказываетъ хорутанская приповѣдка, были позваны на пиръ *вилы*, подобно тому, какъ въ другихъ сказкахъ приглашаются на родильный пиръ *роженицы* и *норны*. Вилы явились въ золотыхъ одеждахъ съ серебряными поясами; каждая изъ нихъ одарила поворожденную дорогимъ даромъ, а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. Когда дѣвочка выросла, она превзошла красотой самихъ вилъ; злая вила еще больше ее возненавидѣла, и вотъ когда

наступило время выдавать красавицу замужъ — она пришла въ замокъ и ударила ее волшебнымъ прутомъ: въ тотъ самый мигъ дѣвица окаменѣла и вмѣстѣ съ нею окаменѣло все, что ее окружало. Послѣ многихъ, многихъ лѣтъ случайно заѣхалъ въ эту мертвую сторону молодой царь, увидѣлъ красавицу, залюбовался ею и поцѣловалъ въ уста. Его поцѣлуй пробудилъ ее къ жизни, а съ нею ожило и все превращенное въ камень. Царь женится на красавицѣ, а злую вилу поражаетъ стрѣлою. И такъ вилы играютъ иногда ту же роль, что и дѣвы судьбы, прядущія нить человѣческой жизни; потому не безъ основанія нѣкоторые изслѣдователи сближаютъ это слово съ глаголомъ *вить*. Съ хорутанскою сказкою сходна нѣмецкая «Dornröschen» (Kinder—und—Haus Märchen т. I, № 50); здѣсь также являются вѣстницы судьбы, которыя предсказываютъ будущее новорожденной королевы, и преданіе не случайно ставитъ ожидающее ея несчастіе въ связи съ *веретеномъ* и *прадевомъ*. Давно когда-то были король и королева; королева родила дѣвочку, такую прекрасную, что обрадованный отецъ вздумалъ задать большой пиръ. Онъ пригласилъ не только родственниковъ, друзей и знакомыхъ, но и вѣщихъ женъ (die weisen Frauen), чтобы онѣ были благосклонны къ ребенку. Въ томъ королевствѣ ихъ было тринадцать; но какъ король имѣлъ только двѣнадцать золотыхъ тарелокъ, съ которыхъ вѣщія жены должны были кушать, то одну рѣшились совсѣмъ не звать. Праздникъ былъ великолѣпный; къ концу пиршества вѣщія жены стали дарить новорожденную чудесными дарами: одна надѣлила ее добродѣтелью, другая красотою, третья богатствомъ и т. д. Только успѣла выговорить свое пожеланіе одиннадцатая, какъ неожиданно явилась въ залу тринадцатая вѣщія жена. Оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, она жаждала отомстить за обиду, и никого не привѣтствуя, воскликнула строгимъ голосомъ: «въ пятнадцать лѣтъ пусть королева уколется веретеномъ и упадетъ мертвая!» За тѣмъ повернулась и оставила залу. Всѣ были въ ужасѣ; тогда выступила двѣнадцатая вѣщія

жена, которая еще не высказала своего пожеланія, и хоть она не въ силахъ была уничтожить злое заклятіе, но могла смягчить его. «Да не будетъ смерти, изрекла она, но да будетъ это глубокой столѣтній сонъ, въ который впадетъ прекрасная королева!» Король, желая соблюсти свое дитя отъ предсказаннаго несчастія, издалъ указъ, чтобы въ цѣломъ его государствѣ были немедленно сожжены всѣ веретѣна. Дары вѣщихъ женъ въ точности исполнились: королева была прекрасна, скромна, привѣтлива и разумна, такъ что всякой, кто ее хоть разъ видѣлъ, не могъ не полюбить милой дѣвушки. Случилось, что въ тотъ день, когда совершилось ей ровно пятнадцать лѣтъ, короля и королевы не было дома. Королева оставалась одна въ замкѣ; она ходила по дворцу, осматривала палаты и комнаты, и наконецъ по узкой круглой лѣстницѣ взшла на старую башню; отворила дверь—тамъ въ маленькой комнаткѣ сидѣла старуха съ веретеномъ въ рукахъ и прилежно прядла кудель. «Добрый день, бабушка! сказала дѣвица, что ты дѣлаешь?» Пряду, отвѣчала старуха. «А это что за вещь, что такъ весело кружится?» спросила королева, указывая на веретено; но едва она дотронулась до него, какъ уколола себѣ палецъ. Въ то самое мгновеніе исполнилось злое заклятіе: королева упала на постель и погрузилась въ глубокой, непробудимый сонъ. Сонъ этотъ распространился на весь замокъ: король и королева, которыя только-что воротились домой и вошли въ залу, заснули вмѣстѣ со всею свитою и дворомъ; спали и лошади на конюшнѣ, и собаки на дворѣ, и голуби на крышѣ, и мухи по стѣнамъ; даже огонь, разведенный на очагѣ, остановился неподвижно и какъ бы заснулъ; жареное перестало скворчать, и поварь, вздумавшій-было ударить поварѣнка, такъ и замеръ на этомъ желаніи, погрузившись въ дремоту; самый вѣтеръ притихъ и на одинъ листикъ не шевелился болѣе на деревьяхъ. Кругомъ замка выросъ густой терновникъ и съ каждымъ годомъ подымался все выше и выше, такъ что наконецъ никто не могъ видѣть ни самаго замка, ни флага на его кровлѣ. Но по свѣту

шла молва о чудной спящей красавицѣ Dornröschen (такъ ее называли), и время отъ времени являлись королевичи, пытавшіеся пробраться сквозь терновую преграду. Попытки ихъ были тщетны; терновникъ, словно у него были руки, крѣпко обхватывалъ всякаго смѣльчака, и несчастные юноши, повиснувъ на его иглахъ, умирали жестокою смертію. Много годовъ протекло, какъ услыхалъ одинъ королевичъ разсказъ о спящей королевнѣ и захотѣлъ во что бы ни стало посмотрѣть на нее. Когда юноша подошелъ къ терновому забору, на мѣсто колючихъ кустовъ явились красивые цвѣты; дорога была открыта. Онъ поспѣшилъ къ замку; охотничьи собаки и кони лежали на дворѣ и спали; голуби сидѣли на крышѣ, завернувъ головы подъ крылья; въ кухнѣ поваръ все еще стоялъ съ поднятой рукой, какъ-бы намѣреваясь зашить поварѣнку, и служанка все еще сидѣла надъ черной курицей, которую собиралась ощипать. Королевичъ шелъ дальше; вездѣ царствовала безмолвная тишина, такъ что можно было слышать свое собственное дыханіе. Наконецъ онъ взошелъ на башню и отворилъ дверь въ маленькую комнатку, въ которой спала королевна; она была такъ прекрасна, что королевичъ не могъ отвести отъ нея глазъ, наклонился къ дѣвицѣ и поцѣловалъ ее. Едва поцѣлуй коснулся красавицы, какъ она открыла очи и пробужденная радостно взглянула вокругъ себя. Рука-объ руку сошли они съ башни; проснулся и король съ королевою, проснулись и придворные, и съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга; на дворѣ ржали лошади, собаки ласкались и прыгали; голуби вынули изъ-подъ крыльевъ свои головы и полетѣли въ поле; мухи ползали по стѣнамъ, на очагѣ пылалъ огонь и варилось кушанье, жаркое начало скворчать; поваръ далъ поварѣнку такую затрепшену, что тотъ заоралъ, и служанка принялась щипать курицу. Королевичъ женился на прекрасной королевнѣ, и свадьбу отпраздновали весело и роскошно. Такимъ образомъ превращенію въ камень, о чемъ говорятъ хорутанское и другія преданія, здѣсь соотвѣствуетъ долголѣтній, непрерывный сонъ. Въ нѣмецкой сказкѣ королев-

на засыпаетъ, *уколовшись веретеномъ*; въ одной изъ русскихъ сказокъ она засыпаетъ отъ волшебной шпильки, воткнутой въ ея волосы, и только тогда пробуждается отъ мертвящаго сна, когда эта шпилька выпадаетъ изъ дѣвичьей косы; въ другихъ произведеніяхъ народнаго эпоса королевичъ всякій разъ засыпаетъ безпробуднымъ сномъ, какъ скоро воткнуть въ его одежду *шолку* или *булавку* (Нар. Рус. сказки, вып. V. № 42; вып. VII, № 2). По свидѣтельству старой Эдды, богъ Одинъ погрузилъ въ сонъ вѣщую воительницу Брунгилду, уколовъ ея *тернѣмъ*; Зигурдъ, нашедши спящую дѣву въ замкѣ, снимаетъ съ ея головы шлемъ и разсѣкаетъ своимъ чудеснымъ мечемъ твердую броню, которая такъ плотно облегла ея тѣло, какъ будто бы совсѣмъ приросла. Когда броня была снята — дѣва тотчасъ-же пробудилась отъ сна. Особенно любопытна итальянская редакція сказки о спящей царевнѣ (Пентамеронъ, № 45): у одного знатнаго вельможи родилась дочь Талія; отецъ созвалъ мудрецовъ, чтобы они предсказали судьбу новорожденной. Мудрецы объявили, что ей угрожаетъ большая опасность отъ костриги; почему отецъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы въ его замкѣ не было ни льну, ни конопли. Талія выросла. Однажды она увидѣла старую пряжу за работою; любопытная дѣвушка взялась за кудель, начала тянуть нитку и нечаянно занозила свой палецъ *костригою* подъ самый ноготь; въ ту же минуту она обмерла и упала наземъ. Ее положили въ пустомъ, уединенномъ замкѣ и наглухо заперли двери. Случилось охотиться въ той сторонѣ королю; соколъ его залетѣлъ въ окно замка; король полѣзъ за нимъ и нашелъ спящую дѣвицу; долго будилъ ее и немогъ разбудить. Обвороженный ея красотою, онъ не устоялъ, и сорвалъ цвѣтокъ любви. Талія понесла плодъ и родила двухъ близнецовъ-мальчика и дѣвочку; феи приняли дѣтей и положили къ грудямъ матери. Разъ какъ-то, не находя груди, одинъ изъ близнецовъ началъ сосать у матери палецъ и высосалъ изъ него занозу: съ этимъ вмѣстѣ окончилось глубокое усыпленіе Таліи, и она встала для счастливой жизни и любви.

Во всѣхъ указанныхъ видоизмѣненіяхъ сказка о спящемъ или окаменѣнномъ царствѣ выражаетъ одну идею: зимній сонъ природы и ея весеннее пробужденіе, когда богиня Земля вступаетъ въ бракъ съ юнымъ свѣтоноснымъ женихомъ—Солнцемъ и начинаетъ свои роды. Зимній сонъ или зимняя смерть природы (миѳъ роднитъ эти понятія и называетъ Сонъ и Смерть братьями) уподобляется окаменѣнію, потому что скованная морозомъ земля твердѣетъ, какъ камень. Въ одной изъ валашскихъ сказокъ злую свекровь постигаетъ такая кара: обрадованная раннею весною, она погнала своихъ овецъ на горы; но вскорѣ вернулись морозы, и все ея стадо и она сама превратились въ камни (у Шотта, № 6), т. е. замерзли. Временное усыпленіе природы, по указанію народныхъ памятниковъ, происходитъ отъ губительнаго укула Зимы. По русскому выраженію, Зима на Николу (6 декабря) *съ гвоздемъ* ходитъ, и накладывая на рѣки и озера свои ледяные мосты, скрѣпляетъ ихъ *гвоздями*: Варвара (4 декабря) моститъ, Савва (5 дек.) *гвозди остритъ*, Никола *прибиваетъ*. Итакъ дѣйствіе и ощущеніе, производимыя зимними холодами, уподобляются укулу остраго, крѣико-прибитаго гвоздя. Воплощая естественныя явленія въ живые образы, греческій миѳъ эту гибель плодородныхъ силъ природы выразилъ въ сказаніи о красавцѣ Адонисѣ, который былъ сраженъ *зубомъ* или *клыкомъ* вепря (зооморфическое олицетвореніе зимы). Когда Адонисъ умеръ, Афродита умолила Зевса дозволить, чтобы онъ, оставаясь полгода въ подземномъ царствѣ тѣней, другую половину года проводилъ въ обители свѣтлыхъ боговъ. Съ тѣхъ поръ Адонисъ попеременно переходитъ изъ объятій Венеры въ объятія подземной богини Прозерпины. Это—представленіе круговаго оборота, замѣчаемаго въ жизни природы, поэтическая картина ея цвѣтенія и увяданія. То же значеніе, какое въ греческомъ миѳѣ придано кабаньему клыку, въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ приписывается острію булавки (шпильки) и колючему тёрну, а въ тѣхъ вариантахъ, гдѣ въ гибели героя или героини желали ярче выразить непреложное предопредѣленіе судьбы, — веретену или ко-

стригѣ. Смерть и воскресеніе природы—исторія, издревле интересовавшая человѣка и потому постоянно-повторяющаяся въ его эпическихъ произведеніяхъ. Она передается и въ повѣсти о обожаемомъ всѣми Бальдурѣ Скандинавской Эдды: все, что существуетъ на землѣ, поклялось его матери не наносить вреда этому свѣтлому герою; но при отобраніи всеобщей клятвы позабыли о ничтожномъ растеніи, которое родится не на землѣ, а на деревьяхъ, и стрѣлою, сдѣланною изъ омелы, убить Бальдуръ, *въ печальную пору зимняго солнцестоянія*. Зимній сонъ природы—сонъ долгій и непремѣнно продолжающійся до извѣстнаго срока; отсюда понятно, почему сильно-могучіе богатыри русскихъ сказокъ, вслѣдъ за необычайными подвигами, повергаются въ непробудный, такъ называемый, богатырскій сонъ, которой длится нѣсколько сутокъ, недѣль и мѣсяцевъ. Любопытно свидѣтельство одной сказки (вып. VIII, № 12), что какъ скоро доброй мѣлодецъ впалъ въ такой сонъ, то на всѣхъ деревьяхъ стали увядать верхушки. Царевна, погруженная въ долготннее усыпленіе, пробуждается не прежде, какъ въ то урочное время, когда чудодѣйственный мечъ разрубитъ ея тѣсную броню и когда изъ пальца красавицы будетъ *высосана* уколовшая ее заноза, т. е. когда прекратится мертвящее вліяніе Зимы и твердыя оковы, наложенныя ею на землю и дожденосныя тучи, будутъ раздроблены и прососаны жгучими лучами весенняго солнца. Польскій глаголь *smoktać* (*чмокать* или *цмокать*—издавать звукъ губами) одинаково употребляется и въ смыслѣ *сосать*, и въ значеніи *цѣловать*; *smok* (*смок*)—драконъ, змѣй, высасывающій молоко изъ небесныхъ коровъ (тучь), и вмѣстѣ съ тѣмъ—водяной насосъ. Если понятія «сосать» и «цѣловать» отождествлялись въ языкѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ народномъ эпосѣ спящая царевна пробуждается къ жизни не только высасываніемъ изъ ея тѣла губительной занозы, но и поцѣлуемъ юнаго свѣтлаго жениха. Поэтическій языкъ доселѣ удерживаетъ метафору, по выраженію которой весеннее солнце *горло лобзаетъ*

землю и она, словно невеста передь вѣнцомъ, убирается въ яркую зелень и цвѣты.

Въ древнѣйшую эпоху созданія языка солнце называлось *золотомъ*, а блестящіе лучи его уподоблялись *золотымъ нитямъ* и *волосамъ*. Потому въ эпическихъ преданіяхъ арійскихъ племенъ это обоготворенное свѣтило обыкновенно слыветь «златокудрымъ». Младенческой фантазіи первобытныхъ народовъ Солнце, восходящее поутру изъ волнъ океана и погружающееся туда вечеромъ, представлялось прядущимъ изъ себя золотыя нити (сравни: *пряжа* и *пряжить*—поджаривать); изъ этихъ-то нитей и приготовлялась та чудная розовая ткань, застилающая небо, которую называемъ зарею. Одна изъ сербскихъ сказокъ (В. Караджичъ, № 31) говоритъ о дѣвѣ, свѣтлой, какъ самое солнце, которая сидѣла надъ озеромъ, вдѣвала въ иглу солнечные лучи и вышивала ими по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ; а въ другой (№ 23) упоминается про бердо съ нитями изъ солнечныхъ лучей и про утѣкъ—звѣзды да мѣсяць («су жице жраке сунчане à потка звијезде и мјесец»). На пути въ свою родину Вейнемейненъ (какъ повѣствуетъ Колевала) услыхалъ вверху надъ своей головою стукъ колеса самопрялки; взглянулъ,—а на облакахъ, озаренныхъ солнцемъ, сіяла великолѣпная радуга; на той радугѣ, словно на скамейкѣ, сидѣла красавица; одежда ея блистала яркими цвѣтами, а руки работали надъ пряжею: быстро кружилось золотое веретено, и, то—подымаясь, то опускаясь, обматывалось тонкой серебряной ниткою. Это была дочь Лоуки—та самая, что обѣщалась вставать вмѣстѣ съ солнцемъ, но всякое утро его предупреждала: Солнце еще только выглядываетъ глазкомъ изъ-за лѣсу, а она ужъ встала и одѣлась въ свои дорогіе уборы. Въ такомъ поэтическомъ образѣ рисовало воображеніе утреннюю зорю, являющуюся предъ самымъ восходомъ солнца. Въ нашихъ заговорахъ на унятіе крови находимъ слѣдующія любопытныя обращенія къ богинѣ Зарѣ: «На морѣ—на океанѣ (море=небо) сидитъ *красная дѣвица*, *швей-мастерица*, *держитъ иглу булатную*, *вдѣваетъ нитку*

шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя.» — «На морѣ на океанѣ... на золотомъ стулѣ сидитъ красная дѣвица. Не дѣвица это, а Мать Пресвятая Богородица; *шьетъ она—вышиваетъ золотой иглою, ниткой шелковою; нитка оборвись, кровь запекись!*» — «На морѣ—на океанѣ... Мать Пресв. Богородица *шелковыя нитки мотаетъ, кровавыя раны зашиваетъ; нитка оторвалась—руда унялась!*» Такъ суевѣрное смѣшеніе древнихъ языческихъ представлений съ христіанскими очень обыкновенно въ народныхъ повѣрьяхъ, и многочисленными примѣрами можно подтвердить, что старинное обожаніе богини Зари въ *двоевѣрную* эпоху среднихъ вѣковъ было перенесено на Пречистую Дѣву. Одинаковое впечатлѣніе, производимое цвѣтомъ зари и крови, сблизило эти понятія въ языкѣ; сравни *рудый*—рыжій, *рыже золото* (Калѣки Перехож., вып. V, стр. 231), *руда*—кровь, *рудить* (*рдить, рдяной*); эпитетъ *красный* равно прилагается къ солнцу и зарѣ, къ золоту и крови. Богиня Заря тянетъ рудожелтую нитку и своею золотою иглою вышиваетъ по небу розовую, кровавую пелену; испрашивая у ней помощи отъ разныхъ недуговъ и вражьихъ замысловъ, заговоры выражаются такъ: «Зоря-Зорница, красная дѣвица, полночица! покрой мои скорбные зубы *своею фатою*: за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы.» — «Покрой ты, дѣвица, меня *своею фатою* отъ силы враждей, отъ пищалей и стрѣль; твоя фата крѣпка, какъ горячъ камень-алатырь!» Этой фатѣ придаются эпитеты «вѣчной, чистой и неглѣнной» (Сказ. рус. нар., т. 1, заговоры; Огеч. Зап. 1848 г., т. 56, стр. 206). Потухающая Заря заканчиваетъ свою работу, обрываетъ рудожелтую нитку, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ съ неба ея кровавая пелена; почему народное вѣрованье и присвоило ей силу останавливать кровь и зашивать раны: «нитка оборвись, кровь запекись!» По свидѣтельству нѣмецкихъ преданій Фригга, супруга Одина, работала на золотой прядкѣ; созвѣздіе Оріона называется въ народѣ *Friggerock* (позднѣе: *Mariärock*) — *Friggs Rocken*. Въ славянскихъ сказкахъ сохранились

воспоминанія о чудесной самопрялкѣ, прядущей чистое золото (Slovanska čítanka, стр. 69).

Такъ какъ съ одной стороны теченіе человѣческой жизни уподоблялось тянущейся ниткѣ (*нить жизни*), а съ другой признавалось, что участь людей зависитъ отъ воли верховнаго божества; то понятно, почему подѣ *Судьбою* первоначально разумѣли—солнце. Въ любопытной чешской сказкѣ (*ibidem* стр. 4—9) юный герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербской редакціи того же самаго преданія, онъ идетъ къ *Усуду* (Судьбѣ). Солнце названо въ этой сказкѣ *златовласымъ Дьдомъ-Всевьдомъ*, а въ матери ему дана пряха-судица (парка). Наровнѣ съ нитью, и *волосъ* играетъ немаловажную роль въ народныхъ повѣрьяхъ о судьбѣ. У свѣтлой дѣвы, вышивавшей солнечными лучами, о которой говоритъ сербская приповѣдка, былъ въ головѣ *червленый какъ кровь волосъ*; когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ надвое, то нашли, что въ немъ было записано много знатныхъ дѣяній, совершавшихся отъ начала свѣта. Съ женитьбою издревле соединялась мысль о предопредѣленіи. О богатырѣ Святогорѣ сохранилось такое сказаніе (Пѣсни Рыбник. ч. 1, стр. 40--41): Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи повѣдай, какъ мнѣ узнать *судьбину Божию?*»—А вотъ поѣзжай къ такимъ-то горамъ; у тѣхъ горъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ъхаль богатырь три дня, доѣхаль до кузницы и видитъ—*куетъ кузнецъ два топкихъ волоса*. «Что ты дѣлаешь?» спрашиваетъ Святогоръ.—Кую судьбину, кому на комъ жениться. «А мнѣ на комъ жениться?»—Твоя невѣста въ поморскомъ царствѣ, въ престольномъ городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Приздумался богатырь, поѣхаль въ поморское царство и нашелъ дѣвицу во гноищѣ; тѣло у ней точно кора еловая. Поднялъ свой острый мечъ, ударилъ ее въ грудь и уѣхаль. Очнулась дѣвица—а еловая кора съ нея спала и сдѣлалась она красавицей невиданной и неслыханной. Далеко пронеслась молва про ея красу; по-

сватался за дѣвицу Святогоръ-богатырь, женился, и вотъ какъ легли они опочивать—увидаль онъ на ея груди рубецъ, распросилъ и на дѣлѣ спозналъ, что отъ своей судьбы никуда не уѣдешь. Поселяне до сихъ поръ обращаются въ свадебныхъ пѣсняхъ къ святымъ ковачамъ Козьмѣ и Демьяну съ просьбою *сковать* свадьбу крѣпкую, долговѣчную (Смоленск. губернія, соч. Цебрикова, стр. 286).

Златокудые герои и героини очень часто встрѣчаются въ народныхъ сказкахъ. Соотвѣтственно колебаніямъ въ древнѣйшихъ представленіяхъ Солнца то юношею, то дѣвою, и въ сказкахъ оно является—то какъ златовласый царевичъ, то какъ царевна—золотая коса, непокрытая краса или Ненаглядная Красота. Царевна Ненаглядная Красота (вып. VII, № 6) живетъ въ золотомъ царствѣ—тамъ, гдѣ восходитъ ясное солнышко; она совершенно тождественна съ Василисой—царевной (*ibid.* № 12), которая обитаетъ тамъ, гдѣ солнце изъ моря подымается, и плавая по морю въ серебряной лодочкѣ—гребетъ золотымъ весломъ. Про эту царевну разсказывается у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ: нѣмецкія сказки (Гальтрихъ, стр. 104) знаютъ королеву съ золотыми косами, живущую далеко за моремъ; венгерская сказка (стр. 81—91) говоритъ о морской дѣвѣ, которая выходитъ изъ глубины морскихъ водъ, каждое утро купается въ *молокъ* и тѣло ея получаетъ отъ того такую нѣжность, какъ будто бы она снова народилась на бѣлый свѣтъ. Изъ одного источника съ этимъ сказаніемъ созданъ греческій мифъ о рожденіи Афродиты изъ морской пѣны, и индѣйскій мифъ о рожденіи красавицы Лакшми, супруги Вишну, въ волнахъ млечнаго моря. У славянъ и литовцевъ Солнце представлялось богинею; дворецъ ея былъ на востокѣ; она ѣздила по небесному своду въ золотой колесницѣ, и утружденная дневнымъ путешествіемъ, запыленная земнымъ прахомъ, купалась вечеромъ въ морѣ и поутру снова являлась ясною и свѣтлою (Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, апрѣль, стр. 10; Черты изъ истор. и жизни литовск. нар., стр. 68, 127—8). У Малороссовъ до сихъ поръ су-

шествуетъ поговорка: «Солнце ся въ море купаетъ.» По греческому преданію, Гелиосъ, послѣ дневнаго странствованія, спускался къ западу на усталыхъ коняхъ, жаждущихъ успокоенія въ волнахъ того всесвѣтлаго океана, что обтекаетъ кругомъ всю землю. Точно также древне-нѣмецкое преданіе свидѣтельствуетъ, что раннимъ утромъ Одинъ выводитъ солнце на небо, а ночью вмѣстѣ съ нимъ погружается въ море и на кораблѣ плыветъ въ подземное царство. Чрезвычайно-интересна южно-русская сказка о морской пани Анастасіи Прекрасной (Рус. Бѣс. 1856 г. т. III, стр. 100—2; Славян. мифологія, Костомарова, стр. 29): добрый мѣлодецъ отправляется въ ту далекую сторону, гдѣ ночуетъ Солнце, приѣзжаетъ въ его теремъ, построенный надъ своимъ моремъ, и спрашиваетъ царя-Солнце: зачѣмъ онъ перемѣняется три раза въ день? Солнце отвѣчало: «естъ въ море Прекрасная Анастасія; когда восхожу я утромъ, она брызгнетъ на меня водою—я застыжусь и покраснѣю; потомъ, поднявшись на высоту, я посмотрю на весь божій свѣтъ—и мнѣ станетъ весело; а вечеромъ, когда захожу, Анастасія снова брызгнетъ на меня волною—и я опять покраснѣю.» Олицетворяя солнце и юношей и дѣвою, фантазія создала это поэтическое сказаніе о влюбленной четѣ, при чемъ прекрасный образъ дѣвы-Солнца слился съ представленіемъ утренней и вечерней зари.

Извѣстный мифъ, будто Солнце, нараждаясь ежедневно, восходитъ поутру прелестнымъ младенцемъ, мужаетъ въ полдень и къ вечеру погружается въ океанъ дряхлымъ старикомъ, — также не забыть въ русскихъ сказкахъ, и дѣдушка—золотая головунка, серебряная бородушка играетъ въ нихъ непослѣднюю роль (вы. VII, № 40; вып. VIII, № 2.). Чешская сказка повѣствуетъ о добромъ мѣлодцѣ, котораго король послалъ за тремя золотыми волосами Дѣда-Всевѣда; онъ пришолъ въ золотой замокъ и нашелъ тамъ вѣщую старуху—судицу, которая сказала ему: «Děd-Vševěd je můj syn—jasné Slunce: rano je pacholátkem, v poledne mužem a večer starym dědem.» Вечеромъ прилетѣло въ свѣтлицу западнымъ

окномъ Солнце—*Starý dědeček se zlatou hlavou*, и заснуло на колѣняхъ своей матери; а рано поутру, вмѣсто старика, пробудилось *krasné zlotovlasé dítě—boží Slunečko*, и вылетѣло восточнымъ окномъ на бѣлый свѣтъ (*Slov. čítanka* Эрбена, стр. 4—6).

Прекрасная царевна-Солнце въ одной изъ русскихъ сказокъ является подъ именемъ *Марьи-Моревны* (дочь моря). Содержаніе сказки таково: прилетаютъ Соколы, Орелъ и Воронъ, сватаются за трехъ царевенъ и уносятъ ихъ въ свои далекія царства. Эти птицы олицетворяютъ въ своихъ образахъ естественныя явленія природы, неразлучныя съ лѣтними грѣзами; самый прилѣтъ ихъ сопровождается темными тучами, вихремъ и молніей. Народный эпосъ заставляеть своихъ героевъ возвращатья изъ подземнаго царства на крыльяхъ баснословной птицы, которая столь огромна, что затемняетъ собою солнечный свѣтъ, и летитъ быстрѣе стрѣлы, пущенной съ тугаго лука. Бурное дыханіе вѣтровъ, нагоняющихъ на небо тучи, издревле уподоблялось птичьему полѣту, и миѣ иначе не представляетъ вихри и вѣтры—какъ существами крылатыми. Отсюда понятно, почему подъ крыльями сказочной птицы хранятся пузырьки съ живою водою (дождемъ, вып. VII, № 16), почему стѣдить ей только дунуть и плюнуть на отрѣзанныя икры молодца—и онѣ тотчасъ-же прирастаютъ къ его ногамъ. Въ сказкѣ о *Марьѣ-Моревнѣ Орелъ* (Носитель Зевсовыхъ громовъ) воздымаетъ бурю и съ помощію своихъ товарищей оживляетъ убитаго царевича: Воронъ приноситъ цѣлящей, а Соколы живой воды. Въ другихъ сказкахъ, вмѣсто этихъ чудесныхъ птицъ, прямо выведены силы природы подъ собственными своими названіями, такъ въ сказкѣ—о *Федорѣ Тугаринѣ*—сватаются за красавицъ и уносятъ ихъ съ собою *Вѣтеръ, Градъ и Громъ*. Тѣхъ-же миѣическихъ героевъ, только съ замѣною Града—*Дождемъ*, встрѣчаемъ и въ сказкѣ про *Ивана Бѣлаго* (*Лѣтоп. Рус. Литер. и древн.*, кн: V, стр. 8-15); женившись на трехъ сестрахъ-царевнахъ, они учатъ брата ихъ—царевича великой премудрости: Громъ научаетъ его грохотать въ поднебесьи, Дождь—лить потоки и топить

города и села, а Вѣтеръ—дуть, царства раздувать да хаты перевертать. Вѣрона Вѣроновича народный эпосъ ставитъ наряду съ Солнцемъ и Мѣсяцемъ; такъ, по свидѣтельству одного преданія, всѣ они трое женятся на родныхъ сестрахъ (вып. IV, № 39; Ungarische Märcb., № 13; Narodne pîrov. Валявца, стр. 1). Красныя дѣвицы, которыхъ сватаютъ и уносятъ названные герои, суть небесныя свѣтила. Закрытіе блестящихъ звѣздъ, луны и солнца темными облаками на языкѣ метафорическомъ называлось похищеніемъ ненаглядныхъ красавицъ драконами, великанами, добрыми мѡлодцами, Орломъ, Соколомъ и Вѣрономъ, и вступленіемъ съ ними въ насильственный или добровольный брачный союзъ. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ уносимыя вихремъ дѣвицы прямо называются *Луной* и *Звѣздой*.

Выдавъ своихъ сестеръ за Орла, Сокола и Вѣрона, царевичъ идетъ посмотрѣть на ихъ житье-бытье, и на пути женится на Марьѣ-Моревнѣ; но бракъ ихъ не продолжителенъ: Марью-Моревну уносить Змѣй, или по другимъ сказкамъ—Кощей Безсмертный, оба равно опасные похитители сказочныхъ красавицъ. Въ польской сказкѣ (Slovanska čítanka, стр. 104) król podziemny Kościěj niesmiertelny заступаетъ мѣсто Морскаго Царя. Змѣй и Морской Царь (въ его первоначальномъ значеніи)—дожденосная туча, помрачающая солнечный свѣтъ. Сказка представляетъ Змѣя скованнымъ: въ крѣпко-запертой комнатѣ дворца онъ виситъ на желѣзныхъ крюкахъ и цѣпяхъ, что означаетъ тучу, окованную зимнимъ холодомъ (смотри ниже), и только тогда срывается съ нихъ, когда вдоволь напьется воды, т. е. весною. Вода, надѣляющая его такую громадную силою, что ему ни-по-чѡмъ разорвать желѣзныя цѣпи, есть дождь; въ одной сказкѣ она названа *живою водою* (Westslaw. Märchenschatz, стр. 73—81). Согласно съ этимъ представленіемъ Змѣя въ зимнихъ оковахъ, ему дается названіе Кощея. Имя *Кощ-ей* родственно съ словомъ *кость* (переходъ звуковъ *ст* въ *щ* очень обыкновененъ, напр. рости—роща, пустой—пуща, густой—гуща и проч.); глаголь *окосте-*

ильть употребляется въ смыслѣ — застыть, оцѣпенѣть; сдѣлаться твердымъ, какъ кость, отъ сильной стужи. Туча, охваченная холодомъ, какъ-бы застываетъ и не посылаетъ болѣе на землю плодотворнаго дождя. До сихъ поръ именованъ Кощей называютъ старыхъ скрягъ, дрожащихъ надъ затаеннымъ сокровищемъ. Въ сближеніи съ этими данными надо, кажется, искать объясненія и той постоянной эпической прибавки, которою характеризуется вѣщая старуха, заправляющая вихрями и выюгами: Баба-Яга, *костяная* нога. Сорвавшись съ цѣпей, Змѣй овладѣваетъ красавицей Марьей-Моревною т. е. закрываетъ ея свѣтлый ликъ своимъ мрачнымъ покровомъ. Въ хорутанской редакціи (у Валявца, стр. 1—5, 24—29) царевичъ женится на воинственной царицѣ виль; она совѣтуетъ своему милому не входить въ запретную комнату, но царевичъ ослушался—и увидѣлъ тамъ старика, изъ устъ котораго выходило пламя. Это былъ огненный царь (то же что Змѣй); онъ попросилъ напиться *и когда царицѣ подалъ ему воды — съ старика тотчасъ-же слетѣли сдерживавшіе его обручи*, и освобожденный, онъ унесъ царицу виль на огненную гору: тамъ она сидѣла *въ потокъ* и ждала избавителя. Въ сербской сказкѣ (Карадж., стр. 24—33) царевичу было запрещено входить въ двѣнадцатый погребъ; но онъ отворяетъ туда двери, видитъ огромную *бочку, обитую тремя жельзными обручами* (о значеніи этой бочки=тучи скажемъ ниже), и слышитъ изъ нея голосъ: «ради Бога, брате! дай мнѣ чашку воды, я умираю отъ жажды.» Царевичъ плеснулъ въ бочку чашку воды—и вслѣдъ за тѣмъ лопнулъ одинъ обручъ; за второю чашкою—лопнулъ другой обручъ, а за третьею—и послѣдній распался. Изъ бочки вылетѣлъ Змѣй и увлекъ красную дѣвицу въ змѣиный градъ. Итакъ Змѣй уноситъ похищенную красавицу въ гору или заключаетъ въ своемъ *городѣ*. И гора, и змѣиный городъ суть метафорическія названія темной тучи.

На основаніи сходства впечатлѣній, производимыхъ отдаленными горами и облегающими горизонтъ облаками, сходства столь близкаго, что непривычный взоръ путника

нерѣдко принимаетъ видимыя горы за облака, — оба понятія были отождествлены и въ языкѣ и въ брованіяхъ. Въ санскритѣ слова, означающія гору, въ то же время означаютъ и облако (*parvata, giri, adri, gotra*); гимны Ригъ-веды, говоря о тучахъ, называютъ ихъ метафорически горами. Отсюда возникъ мифъ о горахъ-тучахъ, которыя, сталкиваясь между собою, производятъ страшный громъ и смертельные удары. У индѣйцевъ эти горы назывались *летучими*; а въ нашихъ преданіяхъ имъ приданъ эпитетъ *толкучихъ*. Въ сказкѣ объ Иванѣ-Царевичѣ и его коварной сестрѣ (вып. VI, № 52) находится такой эпизодъ: Отправляется Иванъ-царевичъ въ тридцатое царство за живою водою: тамъ есть двѣ горы высокія, стоятъ вмѣстѣ — вплотную одна къ другой прилегли; только разъ въ сутки онѣ расходятся и минуты черезъ двѣ — три опять сходятся, а промежъ тѣхъ горъ хранится вода живая и мертвая (цѣлющая). Пріѣзжаетъ царевичъ къ толкучимъ горамъ, стоитъ-дожидается, когда онѣ расходятся стануть. Вотъ зашумѣла буря, ударилъ громъ и раздвинулись горы; царевичъ стрѣлой пролетѣлъ промежъ горъ, почерпнулъ два пузырька воды и назадъ повернулъ; самъ-то онъ успѣлъ выскочить, а у коля заднія ноги помяло, на мелкія части раздробило. Преданіе это занесено и въ стихъ про Егорія Храброго, и въ пѣсню про Дюка Степановича (Пѣсни Рыбник., ч. 1, стр. 29.):

Стоять горы толкучія;

Тые-жъ какъ горы врозь растолкнутся,

Врозь растолкнутся, вмѣстѣ столкнутся —

Тутъ тебѣ Дюку не проѣхати,

Тутъ тебѣ молодому живу не бывати.

Одиссея въ XII-й пѣснѣ также упоминаетъ о бродячихъ, толкучихъ горахъ, промежъ которыхъ ни одна птица не смѣетъ промчатся, даже изъ тѣхъ быстролетныхъ голубей, которые приносятъ Зевсу амброзію, одинъ завсегда погибаетъ, разбившись въ опасныхъ утесахъ, и Зевсъ каждый разъ принужденъ замѣнять убитаго голубя новымъ. Завлечетъ ли сюда морская буря корабль — отъ него останутся однѣ доски да трупы несчастныхъ

цовъ. Въ свосмъ странствованіи за золотымъ рупомъ, Аргонавты должны были проходить между этими страшными горами. О толкучихъ горахъ разсказываютъ, что онѣ не иначе останавливаются, какъ убивши кого-нибудь (Нар. слов. разск. Боричевскаго, стр. 111—3), т. е. послѣ громоваго удара. Понятно, что именно въ этихъ горахъ должна была заключаться живая вода, т. е. весенній дождь, оживляющій природу послѣ ея зимняго сна. Въ словацкой сказкѣ мать посылаетъ сына къ двумъ великанскимъ горамъ, изъ которыхъ правая отворяется въ полдень и бьетъ ключемъ живой воды, а лѣвая—въ полночь и точитъ мертвую воду. Связь Змѣя (дракона) и бога-громовника съ горами общеизвѣстна. Миѣны всѣхъ арійскихъ племенъ согласно утверждаютъ, что божество грома, дождя и молніи признавалось сыномъ тучи, выходящимъ изъ мрачныхъ горныхъ пещеръ. Индѣйскій Шива родился въ пещерѣ горы Меру; точно также греческій Вакхъ родился въ пещерѣ острова Наксоса — въ то время, какъ мать его Семела, погибла отъ громовъ Зевса, явившагося во всей своей грозной славѣ, т. е. туча, разбитая молніями, исчезаетъ, а изъ нѣдръ ея исходитъ Вакхъ (вино=дождь). Самъ Зевсъ, скрытно отъ отца своего, воспитывался въ пещерѣ острова Крита. Наши сл. зочные Змѣи носятъ названіе *Горынычей* т. е. буквально принимаютъ за дѣтей горы. Въ пещерахъ горы Вавель, говоритъ польское преданіе, жилъ страшный Змѣй; князь Крокъ убилъ его, и въ связи съ его именемъ *Исполиновы горы* (Riesengebirg) древле назывались *Крконоши*. Славянскія преданія твореніе горъ приписываютъ чорту, съ которымъ постоянно борется Илья-громовникъ; чортъ здѣсь замѣняетъ Змѣя. Царство драконовъ лежитъ въ мрачныхъ горахъ-тучахъ, и потому въ сказкахъ оно перѣдко именуется *подземнымъ*.

Въ облакахъ, покрывающихъ небесный горизонтъ, фантазія находила сходство не только съ горами, но и съ городскими башнями и стѣнами; почему въ гимнахъ Ригъ-веды облака и тучи называются *городами* и *кръпостями*, стѣны которыхъ разрушаетъ могучій Индра. Отсюда сказочныя преданія о змѣиныхъ городахъ или

царствахъ, которымъ придаются эпитеты мѣднаго, серебрянаго и золотого. Означенные эпитеты объясняются тѣми яркими, блестящими красками, которыми солнце съ такимъ великолѣпіемъ разсвѣчиваетъ облака, особенно при своемъ восходѣ и закатѣ. Въ связи съ этимъ стоятъ вѣрованія, приписывающія драконамъ добываніе металловъ и храненіе несмѣтныхъ сокровищъ. Змѣиные города вертятся во всѣ стороны (вып. II, № 30; Сборн. Бронницына — сказка о Василисѣ-Золотой костѣ). Въ хорутанской сказкѣ (у Валявца, стр. 128 — 130) читаемъ: «i dojde do jednoga grada kufrnoga (мѣднаго), koj se je zmirom na sraki ni pogi vtetel»; то же выраженіе употреблено и при описаніи городовъ золотого и серебрянаго, что прямо отождествляетъ ихъ съ вертящеюся избушкою Бабы-Яги.

Но возвратимся къ Марьѣ-Моревнѣ. Царевичъ идетъ ее искать; ему удастся увезти ее изъ заключенія, но Змѣй быстро нагоняетъ ихъ на своемъ славномъ конѣ, отнимаетъ бѣглянку и снова запираетъ въ свой городъ. Тогда царевичъ рѣшается добыть себѣ коня, который былъ бы сильнѣе и быстрѣе змѣйнаго, и за трудную службу у Бабы-Яги ему удастся достигнуть своей цѣли. Онъ ^{снѣтъ} увозитъ Марью-Моревну; Змѣй бросается въ погоню, но богатырскій конь царевича убиваетъ его ударомъ своего копыта. Царевичъ есть самъ Перунъ, разбивающій тучи и чрезъ то выводящій Солнце изъ-за темныхъ змѣиныхъ горъ; конь его соотвѣтствуетъ греческому Пегасу: какъ тотъ ударомъ копыта творилъ новые живые источники, такъ этотъ убиваетъ копытомъ Змѣя т. е. уничтожаетъ тучу, заставляя ее пролиться обильнымъ дождемъ. — Въ Литвѣ сохраняется преданіе, какъ одинъ царь, въ гнѣвѣ своемъ на солнце, приказалъ заточить его въ башню, нарочно для того выстроенную. Приказъ былъ исполненъ, и солнце перестало свѣтить; тогда двѣнадцать планетъ, лишенныхъ его свѣта, заказали *огромный молотъ* (страшное орудіе Тора), пробили отверстие въ башнѣ и освободили солнце.

Добываніе *живой воды* составляетъ одинъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ народнаго эпоса. Старая вѣдьма-

Зима, представляемая въ сказкахъ злою мачихой, скрадываетъ съ неба дожди и губить плодородіе; сами Змѣи и великаны, согласно усвоенному имъ демоническому характеру, представляются задерживающими дождевые ливни—до тѣхъ поръ, пока не будутъ побѣждены все-сокрушительнымъ оружіемъ Перуна. «Егда дождь идетъ (читаемъ въ старинномъ апокрифѣ—см. Памяти. отречен. литер. Н. Тихонравова, т. II, стр. 455), тогда дьяволъ станеть предъ дождемъ—да не грядетъ на землю; того ради Ангель Господень гонить его. Громъ есть оружіе ангельское.» Сказка о живой и мертвой водѣ (вып. VII, № 5) извѣстна у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Со-старѣвшійся и ослѣпнувшій царь, о которомъ она повѣ-ствуется, есть поэтическое изображеніе зимней природы, когда все на землѣ увядаетъ, дряхлѣетъ, и солнце теряетъ свой животворный блескъ; свѣтъ и зрѣніе и въ язы-кѣ, и въ мнѣіи постоянно отождествляются. Олицетворяя времена года въ живыхъ образахъ, народная фантазія Весну представляла прекраснымъ юношею, а Зиму бѣло-власымъ старцемъ. Чтобы возвратить царю его молодость, зрѣніе и красоту, сынъ-царевичъ долженъ добыть живой воды и «моложавыхъ» золотыхъ яблокъ т. е. вызвать весну съ ея благодатными дождями и яркими золотистыми лучами солнца. Живая вода и моложавыя яблоки выра-жаютъ одну и ту же идею; они одинаково обновляютъ дряхлаго старика, дѣлаютъ его цвѣтущимъ юношею, боль-ному даютъ крѣпость и здоровье, мертвому—жизнь, безо-бразіе превращаютъ въ красоту, безсиліе въ богатыр-скую мощь. И вода и яблоки хранятся въ странѣ дале-кой, въ чудесномъ саду и оберегаются драконами и ве-ликанами. По одному варіанту русской сказки вокругъ этого сада лежитъ громадный змѣй, сомкнувшись коль-цомъ: хвостъ и голова сошлись вмѣстѣ. Драконы и ве-ликаны—олицетворенія дожденосныхъ тучъ, и богъ-громо-вержець иначе не представляется, какъ въ постоянныхъ битвахъ съ ними: Торъ сражается съ іотами, Зевсъ съ титанами, Индра съ разными демоническими существами, похитителями и сокрывателями дождевой влаги. Грече-

ская мифология знает знаменитый садъ Гесперидъ, въ которомъ растутъ золотыя яблоки, оберегаемая стоглавымъ дракономъ; по приказанію царя Эвристея, Геркулесъ долженъ былъ принести оттуда рѣдкихъ плодовъ. Русская былина о Михайлѣ-Потокѣ Ивановичѣ рассказываетъ, что живая вода этому богатырю была принесена лютой змѣей *изг-подъ земли* (Пѣсни Рыбник., ч. II, стр. 63); а словацкая сказка (Westslaw. Märchenschatz, стр. 148)—что живая и мертвая воды изливаются изъ *горъ*. По сказанію Эдды, Одинъ выпилъ квасирь (нектаръ), сокрытый въ *горѣ*, пробравшись туда въ просверленную дыру въ образѣ змѣя (Wurm). Отголосокъ этого любопытнаго преданія слышится въ норвежской сказкѣ (ч. II, № 16) о двухъ великанахъ: Bergbohrer (сверлитель горъ) и Meersauger (высасыватель морей): первый просверливаетъ насквозь гору, а послѣдній вытягиваетъ въ это отверстіе пространное море, т. е. переводя на простой языкъ: молнія буравитъ тучу и она проливаетъ обильные потоки дождя.

Остановимся на сказкахъ, рисующихъ страшныя битвы богатырей съ змѣями. Особенно интересно преданіе объ Иванѣ-коровьемъ сынѣ (вып. VII, № 3; вып. VIII, № 2). Въ одно и тоже время понесли плодъ царица, кухарка и корова, и родили трехъ сыновей: Ивана-царевича, Ивана-кухаркина сына и Бурю-богатыря, Ивана-коровьина сына. Быстро выросли три молодца и стали могучіе витязи, но всѣхъ сильнѣе, всѣхъ отважнѣе послѣдній. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что сказанные богатыри, изумляющіе насъ громадными силами и чрезвычайными размѣрами, воплощаютъ въ своихъ человѣческихъ образахъ грозныя явленія природы; отъ того они и растутъ не по днямъ, не по часамъ, а по минутамъ, также скоро, какъ скоро надвигаются на небо громовыя тучи и вздымаются вихри. Именно таковъ Иванъ-коровиный (иногда кобылинъ) сынъ. Корова и конь служили обыкновенными метафорическими выраженіями облака и тучи; гимны Ригъ-веды постоянно называютъ тучи небесными коровами, воздоющими изъ своихъ сосцевъ благодатный

дождь на землю. Представленія эти, какъ уже доказано, не чужды были и славянамъ (см. о Зооморф. божествахъ у славянъ—въ Отеч. Зап. 1852 г. № 1—3.).

Быстрота полета бурной грозовой тучи заставила фантазію сблизить ее съ быстроногимъ конемъ, а проливаемые ею потоки съ дойною коровою; самый дождь на метафорическомъ языкѣ назывался молокомъ. Поэтому Буря-богатырь, коровинъ сынъ нашей сказки, есть собственно сынъ тучи, т. е. молнія или божество грома—славянскій Перунъ; понятно, что удары его должны быть неотразимы. Перунъ (Торъ) велъ постоянную борьбу съ великанами-тучами и разбивалъ ихъ своею боевою палицей и мѣткими стрѣлами; точно тоже свидѣтельствуется сказка объ Иванѣ-коровьемъ сынѣ, заставляя его побивать многоглавыхъ, сыплющихъ искры Змѣевъ. Чудовищные Змѣи, владѣтели «сильной» воды (дождя), и въ пылу битвы бросаются испить этого нектара, чтобы укрѣпить себя для новой схватки. Побѣдивши змѣевъ, Иванъ-коровинъ сынъ борется съ ихъ матерью, еще болѣе страшную Змѣихою, которая разѣваетъ свою пасть отъ земли до неба и «jakby chmura jaka zastonita stońce» (Lud Ukrainski, т. I, стр. 267). Иногда эта Змѣиха преслѣдуетъ богатыря въ видѣ огромной прожорливой свиньи: на мненческомъ языкѣ свинья означаетъ тоже, что и волкъ, именно темную тучу, застилающую собою небесный сводъ и какъ-бы пожирающую солнце. Богатырь спасается отъ нея бѣгствомъ на кузницу, и тамъ нечистая свинья, будучи схвачена за языкъ горячими клещами, погибаетъ подъ кузнечными молотами—подобно тому какъ гибнутъ великаны подъ ударами Торова молота; или, по другому сказанію, запряженная въ соху, она выпиваетъ цѣлое море и лопається, т. е. изливается дождемъ при оглушительныхъ раскатахъ грома. Представленіе бога-громовержца кузнецомъ принадлежитъ глубочайшей древности; въ мрачныхъ пещерахъ горъ (въ тучахъ) устраивалъ онъ свою мастерскую и выковывалъ тамъ чудесное оружіе (молнію), которымъ послѣ поражалъ своихъ враговъ; какъ естественный результатъ пораженія змѣевъ или прамѣ.—раз-

грома темныхъ тучъ, является скрывавшійся за ними благотворной свѣтъ солнца. Такое появленіе сіяющаго солнца народный эпосъ представляетъ освобожденіемъ изъ-подъ власти чудовищныхъ Змѣевъ похищенной ими красавицы. Въ Сборникѣ Гальтриха находимъ любопытную сказку «Die Königstochter in der Flammenburg» (№ 21):

У одного бѣдняка было столько дѣтей, сколько дыръ въ рѣшетѣ; когда Господь даровалъ ему еще сына, онъ пошолъ искать кума, встрѣтилъ на дорогѣ старца и пригласилъ его въ крестные отцы. Тотъ охотно согласился и подарилъ крестнику теленка съ золотой звѣздой во лбу. Теленокъ выросъ и сдѣлался красивымъ быкомъ; мальчикъ погналъ его пасти, и когда поднялись они на гору, быкъ сказалъ своему маленькому хозяину: «оставайся здѣсь и спи, а я тѣмъ временемъ поищу для себя корму». И только что мальчикъ заснулъ—быкъ ринулся съ быстротой молніи, прибѣжалъ въ обширные небесные луга и сталъ поѣдать золотыя цвѣты—звѣзды (Sternblumen, астры). Передъ самымъ закатомъ солнца, онъ поспѣшилъ назадъ, разбудилъ мальчика, и вмѣстѣ воротились домой. На другой день быкъ снова уходилъ въ небесные луга, на третій—тоже, и такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не исполнилось мальчику двадцать лѣтъ. Тогда быкъ сказалъ ему: «садись ко мнѣ промежь рогъ, я понесу тебя къ королю: попроси у него мечъ въ семь локтей и обѣщай освободить королевну. Король далъ ему мечъ, но мало рассчитывалъ на усѣхъ. Королевна была унесена двѣнадцати-главымъ дракономъ и заключена въ огненномъ городѣ (Flammenburg), къ которому никто не осмѣливался приблизиться; на пути къ этому городу стояли высокія, непроходимыя горы и шумѣло бурливое море. Юноша сѣлъ между рогъ быка, и въ одно мгновеніе очутился у высокихъ горъ. «Намъ придется назадъ поворачивать, сказалъ онъ; чрезъ горы не переѣдешь.—Погоди на минуту! отвѣчалъ быкъ,—ссадилъ мѣлодца на землю, разбѣжался и сдвинулъ своими могучими рогами цѣлой рядъ горъ въ сторону; отправились они дальше и вскорѣ прибыли къ морю, быкъ наклонилъ голову, потя-

нулъ въ себя воду и выпилъ цѣлое море. Вотъ наконецъ и огненный городъ виднѣется; на далекое разстояніе пышетъ отсюда такимъ жаромъ, что доброй мѣлодецъ не въ силахъ былъ вытерпѣть. «Стой! закричалъ онъ быку, ни шагу далѣе—иначе мы совѣмъ сгоримъ.» Но быкъ подбѣжалъ къ городу и вылилъ изъ себя многоводное, незадолго передъ тѣмъ поглощенное море; пламя угасло и поднялся густой паръ, отъ котораго все небо покрылось облаками. Изъ-за тумана явился двѣнадцатиглавый драконъ; доброй мѣлодецъ схватилъ обѣими руками тяжелый мечъ и однимъ махомъ снёсъ ему всѣ двѣнадцать головъ; драконъ упалъ на землю и ударился объ нее съ такою силою, что она задрожала. «Служба моя окончена!» сказалъ быкъ и направилъ свой быстрый бѣгъ въ небесные дуга; съ тѣхъ поръ онъ не являлся больше. Смыслъ сказки таковъ: дѣва-Солнце затѣнена тучею (дракономъ); чтобы освободить ее, надо осилить три преграды: горы (тучи), море (вмѣстѣлище дождя) и огненный городъ (жилище молніе-носнаго змѣя). Сказочной героиней исполняетъ трудный подвигъ освобожденія при помощи быка, который самъ есть не что иное, какъ туча, а богатырскій мечъ въ рукахъ мѣлодца есть Перунова палица. Въ борьбѣ быка съ дракономъ фантазія изобразила живую поэтическую картину лѣтней грозы: туча несется на тучу, гремитъ громъ, блистаетъ молнія, шумитъ дождь, и на прояснѣвшемъ небѣ (драконъ гибнетъ, быкъ исчезаетъ) появляется солнце. Въ сказкѣ объ Иванѣ Пѣняловѣ, любопытной по свѣжести и яркости передаваемого ею древняго мифа, повѣствуется, что въ томъ государствѣ, гдѣ родился названный герой, не было дня, а царствовала вѣчная ночь, и виною этого былъ проклятой змѣй. Вызвался богатырь истребить змѣя, взялъ боевую палицу въ пятнадцать пудовъ и послѣ упорной борьбы поразилъ его смертельно; поднялъ змѣиную голову, разломалъ ее—и въ ту же минуту по всей землѣ сталъ бѣлый свѣтъ, т. е. изъ-за разбитой тучи явилось красное солнце.

Чтобы нагляднѣе показать, что именно таково значеніе разбираемыхъ нами преданій, мы приведемъ пре-

восходную словацкую сказку «Slncevi koni», напечатанную въ Сборникѣ Эрбена (Slovanščá čítanka, стр. 58—63). Сказка эта развиваетъ ту же самую тему, что и наши русскія объ Иванѣ Поняловѣ и Иванѣ-коровьемъ сынѣ, и весьма близка съ ними своими подробностями. — Была нѣкогда страна, печальная какъ могила, темная какъ ночь, потому что въ ней, никогда не свѣтило Божье солнце. Люди давно бы оттуда разбѣжались, покинувъ ее совамъ и летучимъ мышамъ, еслибы по счастью ни владѣль король конемъ съ солнцемъ во лбу, которое разсыпало свѣтлые лучи во всѣ стороны. Король приказалъ водить этого солнцева коня по своему государству отъ одного края до другаго, и тамъ, гдѣ вели коня, отъ него разливался такой свѣтъ, какъ будто бы стоялъ прекрасный день: а тамъ, откуда онъ удалялся, все погружалось въ густой мракъ. Вдругъ солнцева коня исчезъ; тьма ужаснѣ самой ночи облегла печальную страну; ужасъ и отчаянне напали на жителей. Король собралъ войско и отправился искать своего коня съ солнцемъ во лбу. Выступя за границу своего королевства, онъ попалъ въ непроходимые дремучіе лѣса. Тамъ въ бѣдной хижинѣ обрѣлъ онъ вѣщаго мужа (veštec), который заступаетъ въ словацкой сказкѣ мѣсто русскаго богатыря Ивана Понялова. Вѣщій мужъ отсылаетъ короля съ войскомъ назадъ и хочетъ самъ найти ему и возвратитъ похищеннаго коня. На другой же день отправился онъ съ слугою на розыски, и вотъ прибыли они въ нѣкое государство, въ которомъ царствовало трое братьевъ-королей, женатыхъ на трехъ родныхъ сестрахъ, дочеряхъ злой Стриги (колдуньи). Короли эти играютъ здѣсь ту же роль, какую въ нашихъ сказкахъ змѣи. Остановясь у дворца, вѣдунъ сказалъ своему слугѣ: «пожди меня тутъ; я пойду въ палаты развѣдать, дома ли король? вѣдь они-то и похитили солнцева коня, и младшій всегда на немъ разбѣжаетъ». Въ одно мгновеніе обратился онъ зеленою игучкою, полетѣлъ къ свѣтлицѣ старшей королевы, началъ порхать вокругъ и стучаться клювомъ такъ неотступно, что она впустила его въ комнату. Королева обрадова-

лась, как дитя, потому, что птичка была красива и нѣжно ласкалась къ ней. «Ахъ жаль, что моего мужа нѣтъ дома! пташка навѣрно бѣ ему понравилась. Онъ поѣхалъ смотрѣть третью часть государства и вернется только къ вечеру.» Такъ говорила королева, играя съ маленькою птичкою. Вдругъ вошла въ комнату старая Стрига, увидала птичку и воскликнула: «задуши ее проклятую или она тебя окровавитъ!»—Окровавитъ? о погляди, какъ она мила и невинна! возразила дочь.» Обманчивая наружность! давай я ее задушу!» сказала колдунья и кинулась за птичкою. Но птичка обратилась въ человѣка, который тотчасъ-же убѣжалъ въ двери. Точно также, оборачиваясь птичкою, посѣтилъ Вѣдунъ и двухъ другихъ королевенъ, и узналъ о времени, въ которое должны были воротиться ихъ мужья. Потомъ вмѣстѣ съ слугою засѣлъ онъ подъ мостомъ и сталъ поджидать королей. Въ первый день онъ убилъ старшаго брата, на другой день—средняго, а на третій увидѣлъ, что подъѣзжаетъ къ мосту, сидя на солнцевомъ конѣ, меньшей братъ: это былъ самый могучій и сильный изъ трехъ королей. Оружіемъ не могъ одолѣть его Вѣдунъ; мечи ихъ поломались въ бою. «Обернемся лучше мы колесами предложилъ онъ королю, и покатимся съ горы: чье колесо будетъ разбито, тотъ и побѣжденъ!» Обратились оба колесами и покатались съ горы. Колесо Вѣдуна налетѣло на своего противника и раздробило его; но тотъ перекинувшись молодцемъ, заявилъ, что Вѣдунъ размогилъ ему только пальцы, а не побѣдилъ. Съ своей стороны онъ предложилъ оборотиться въ бѣлое и красное пламя: чье пламя осилитъ другое, тотъ и побѣдитъ. Король оборотился бѣлымъ пламенемъ, а Вѣдунъ—краснымъ. Долго они палили другъ друга, и ни который не могъ одолѣть соперника. На ту пору шелъ мимо старикъ-нищій съ длинной бѣлою бородою. «Старикъ! воскликнуло бѣлое пламя,—принеси воды и залей красное пламя; я тебѣ подарю грошь.» А красное пламя перебило: «старикъ! я тебѣ дамъ червонецъ, только залей бѣлое пламя.» Нищій конечно, принялъ сторону послѣд-

няго. Вѣдунъ побѣдилъ и овладѣлъ солнцевымъ конемъ. Послѣ разныхъ приключеній, онъ доставилъ его въ печальную страну мрака, и тогда въ ней все ожило, и поля зазеленѣли въ весеннемъ убранствѣ. *Колесо* и *пламя* издревле служили символами солнца, которое фантазиі младенческихъ народовъ казалось катящимся по небосклону огненнымъ колесомъ; повороты этого свѣтила на зиму и лѣто доселѣ чествуются возженіемъ нарочно приготовленнаго колеса. Словацкая сказка имѣетъ въ виду не кратковременное помраченіе солнца весенними лучами а потерю имъ плодотворной силы въ долгій періодъ холодной половины года. Удаляясь на зиму, оно утрачиваетъ за густыми туманами свой яркій блескъ, становится блѣднымъ, что и продолжается до той поры, пока (съ приближеніемъ весны) не осилитъ красный цвѣтъ, или пока зимнее солнце не будетъ побѣждено лѣтнимъ. (О раздробленіи обоготвореннаго солнца на два враждебныхъ образа: лѣтній и зимній см. въ сочин. Маннгардта: «Die Götterwelt der deutschen und nordischen Völker, стр. 31—32). Что солнце представлялось конемъ, это засвидѣтельствовано многочисленными преданіями. Восьминогій, крылатый конь служилъ символомъ его быстрого движенія, и царь-Солнце, по древнѣйшему, обще-распространенному воззрѣнію, выѣзжало на небесный сводъ въ золотой колесницѣ, запряженной огненными лошадьюми. Немѣцкая сказка (Гальтрихъ, № 20) говоритъ о бѣломъ солнцевомъ конѣ (weisses Sonnenross): какъ у Одиннова Слейпнира, у него восемь ногъ; онъ бѣгаетъ съ быстротою вѣтра, прыгая съ одной горы на другую; въ чело его вставляется камень (Karfunkel), блестящій какъ самое солнце,—и если это сдѣлать ночью, то облегающая землю тьма обратится въ свѣтлый день. Въ одной изъ русскихъ сказокъ (вып. VIII, № 8) упоминается о кобылицѣ, которая каждый день облетаетъ вокругъ свѣта; кони золотогривые, золотохвостые, съ яснымъ мѣсяцемъ во лбу, часто встрѣчаются въ народныхъ преданіяхъ. По своей солнечной природѣ, они питаются огнемъ, жаромъ, и пьютъ утреннюю росу (т. е. иссушаютъ ее).

Дѣва-Солицѣ, обезсиленная вѣдомою-Зимною и по-мраченная туманами или злымъ змѣемъ-тучею, утрачиваетъ на извѣстное время и свой блескъ и свою красоту, и въ этомъ смыслѣ подчиняется вліянію колдовства. *Заколдованная* или *очарованная* царевна является героинею многихъ сказокъ, представляющихъ разныя варіаціи одной и той-же темы (вып. VII, № 16; Ungarische Volksmärch., № 5; Сборн. Вольфа, стр. 16, 40, 90, 127 и 301; Narodne prigovjedke Валявца, стр. 154—7). Царевна-красавица, царствомъ которой овладѣваетъ нечистая сила, теряетъ свой ясный, бѣлоснѣжный цвѣтъ и дѣлается черною, а бѣлые кони, на которыхъ выѣзжаетъ ея колесница, превращаются въ вороныхъ. Но по мѣрѣ того, какъ приближается срокъ ея избавленія, чернота все болѣе и болѣе умалется: и царевна, и кони становятся бѣлыми—сначала до пояса, потомъ до колѣлъ, а наконецъ и совсѣмъ освобождаются отъ вліянія нечистой силы.

Кромѣ того, заколдованіе выражается еще перемѣною человѣческаго образа на животный, что тѣсно связывается съ древнѣйшими представленіями силъ природы въ видѣ различныхъ птицъ и звѣрей. Представленія эти были единственнымъ источникомъ, изъ котораго возникло повсюду распространенное вѣрованіе въ оборотней. Въ сборникѣ Гальтриха (*Deutsche Volksmärchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen*, № 43) сообщена слѣдующая любопытная сказка подъ заглавіемъ: «*Das Borstenkind*»: однажды сидѣла королева подъ тѣнистою линою и чистила яблоки, а возлѣ рѣзвился трехлѣтній малютка—ея сынъ, и такъ какъ мать не хотѣла дать ему яблока, то онъ схватилъ обрѣзанную кожицу и съѣлъ. Увидя то, королева разсердилась и съ сердцемъ сказала: «о, чтобъ ты поросѣнкомъ былъ!» И въ то же мгновеніе мальчикъ обратился въ поросѣнка, захрюкалъ и убѣжалъ въ свиное стадо. На краю лѣса проживала одна бѣдная, немолодая чета—мужъ съ женою; дѣтей у нихъ не было, и они сильно о томъ грустили. Вечеромъ, когда стадо ворочалось домой, оба они сидѣли на дворѣ, и жена промолвила мужу: «ахъ, если бы Господь даровалъ намъ

ребенка—хоть такого щетинистаго, какъ свинка!» Не успѣла она окончить, какъ прибѣжалъ поросёнокъ, началъ къ нимъ ласкаться и не хотѣлъ отойти прочь. Старуха увидѣла, что Господь исполнилъ ея желаніе, взяла тсго поросёнка въ свою избу и стала заботиться объ немъ, какъ о собственномъ дитяти: приготавлила для него мягкую постель и давала ему ѣсть бѣлый хлѣбъ и молоко. Раннимъ утромъ, когда раздавался рожокъ пастуха, поросёнокъ убѣгалъ изъ дому и слѣдовалъ за стадомъ, а вечеромъ возвращался назадъ. Но что удивительнѣе: онъ могъ говорить, какъ настоящій человѣкъ. Долго росъ поросёнокъ, и наконецъ въ шестнадцать лѣтъ сдѣлался большою свиньею. Случилось—какъ-то старики разговаривали между собою, что король изъявилъ всенародно обѣщаніе выдать свою дочь за того, кто исполнитъ три задачи, но что до сихъ поръ не нашлось такого счастливица. *Borstenkind* услыхалъ эти рѣчи и сказалъ: «отецъ! веди меня къ королю и посватай за меня его прекрасную дочь.» Послѣ долгихъ отговорокъ, старикъ вынужденъ былъ согласиться и отправился сватомъ; король приказалъ жениху выполнить слѣдующія задачи: построить два дворца—серебряный и золотой и поставить между ними алмазный мостъ. Желанія короля были исполнены, и *Borstenkind* женился на прекрасной королевнѣ. Ночью онъ явился къ женѣ златовласымъ юношею изумительной красоты, а днемъ превращался въ щетинистаго бора. По совѣту матери, королевна воспользовалась сномъ своего мужа и *сожгла на огнь его свиную шкурку* (*Borstenkleid*), въ надеждѣ, что такимъ образомъ онъ избавится отъ заклятія. Но поутру королевичъ сказалъ ей: «ты не хотѣла выждать, и затруднила мое избавленіе; я теперь долженъ удалиться на край свѣта, и ни одна смертная душа не явится туда, чтобы меня освободить!» Королевичъ исчезъ, а любящая жена пускается его отыскивать: сначала она идетъ къ Вѣтру, потомъ на крылатомъ конѣ ѣдетъ къ Мѣсяцу, затѣмъ къ Солнцу, къ утренней и вечерней Звѣздамъ, и наконецъ преодолеваетъ всѣ трудности, находитъ своего милаго, соеди-

няется съ нимъ и раждаетъ чуднаго ребенка съ лицомъ блестящимъ, какъ мѣсяць, съ золотыми кудрями, какъ солнце, и ясными очами, подобными утренней и вечерней звѣздамъ. Въ образѣ свиньи древній миѳъ олицетворялъ мертвящее вліяніе холодныхъ зимнихъ тумановъ и облаковъ, какъ-бы пожирающихъ солнечную теплоту и свѣтъ, и потому Солнце, побѣдоносное въ теченіе одной половины года, въ другую половину представлялось побѣжденнымъ злобою свиноголоваго Тифона. Малорусская зададка: «сиви кабани усе поле залягли» означаетъ — туманъ. По свидѣтельству средневѣковыхъ памятниковъ, дьяволы представлялись разѣзжающими на свиньяхъ. Удаляясь на зиму, добрый молодець-Солнце какъ-бы надѣваетъ на себя туманный покровъ, подъ которымъ до поры—до времени и таится его красота и золотыя кудри (яркіе лучи); говоря метафорическимъ языкомъ, онъ облекается въ свиную шкуру и дѣлается оборотнемъ. По народнымъ повѣрьямъ, занесеннымъ во многія сказки, превращеніе совершается набрасываніемъ на себя шкуры или кожи того животнаго, образъ котораго хотятъ воспринять; спятіе же этой шкурки влечетъ за собою возстановленіе первоначальнаго образа. Въ устахъ поселянъ доселѣ живутъ рассказы о томъ, какъ иногда, застрѣвивъ волка, подъ шкурою его находили человѣка, за нѣскольکو лѣтъ передъ тѣмъ превращеннаго въ вовкулака. Самое слово *оборачиваться*, въ простонародномъ произношеніи — *обворачиваться* (*обернуться*, *обвернуться*) указываетъ на переряживанье, покрытіе себя какимъ-либо одѣяніемъ. Отсюда о солнцѣ, затемненномъ облаками, родилось представленіе, будто оно рядится въ шкуры тѣхъ животныхъ (преимущественно волка и коровы), въ видѣ которыхъ миѳъ олицетворялъ тучи; сравни: *облако*, *облечься*, *облаченіе*. Эготъ облачной или туманный покровъ, закрывающій отъ глазъ небесныя свѣтила и видимые на землѣ предметы, метафорически назывался: а) *шапкою* или *плащемъ-невидимкою* (*Nebelkarpe*; Эда облако называетъ *verhüllender Helm*) и б) *волшебною сорочкою* (вып. VII, № 26), надѣвая ко-

тору ю—сказочный герой получалъ возможность и силу владѣть чудеснымъ мечомъ-кладенцомъ (молніею). Чтобы освободить оборотня, надо совлечь съ него звѣриную шкуру, и для того обезглавить его богатырскимъ мечомъ, т. е. разбить тучу перуновой палицею,—или похитить снятую имъ на время козурину и сжечь ее на огнѣ. Въ сербской пѣснѣ Будинская королева сожигаетъ сорочку, превращавшую ее сына въ чудовище, на живомъ огнѣ. *Живой огонь* добывался чрезъ треніе дерева; это дерево и при совершеніи языческихъ празднествъ служило символомъ небеснаго огня. Такимъ образомъ сожженіе звѣриной шкуры метафорически выражало—дѣйствіе жаркихъ солнечныхъ лучей, уничтожающихъ туманы.

«*Borstenkleid*» соотвѣтствуетъ *свиному чехлу* нашей сказки (вып. VI, № 28—30). Красная дѣвица носить свиной чехоль или кожухъ, и потому не можетъ быть узнана своимъ суженымъ. Но какъ скоро одежда эта сброшена—дѣвица показывается въ великолѣпныхъ уборахъ, блистающихъ словно частыя звѣзды, свѣтѣль мѣсяцъ, красное солнышко и ясная заря (или: въ серебряномъ, золотомъ и бриліантовомъ платьяхъ и въ золотыхъ башмакахъ); женихъ плѣняется ею красотою и вступаетъ съ нею въ торжественный бракъ. Въ переводѣ на общепонятный языкъ, смыслъ сказанія таковъ: дѣва-Солнце въ зимній періодъ времени облекается въ свиную шкуру, т. е. лишается своей блестящей *красоты* (сравни: *краса, красный, краска, красное солнце*) и плодотворяющей силы. Женихъ (вся природа) чуждается непривлекательной невѣсты и гонитъ ее отъ себя. Въ это безотрадное время преслѣдуемая злой мачихой (Зимою), она является въ печальномъ видѣ *Замарашки* или *Чернушки* (*Aschenputtel*), и осуждена на пребываніе въ *подземномъ царствѣ* (въ странѣ мрака и тѣней — за туманными и облачными покровами). Но какъ только наступающая весна разорветъ и сниметъ съ дѣвы-Солнца свиной чехоль и облечетъ ее въ свѣтлыя одежды, она тотчасъ-же предстаетъ въ полномъ блескѣ и сіяніи, какъ будто облитая золотомъ и осыпанная бриліантами. Красота ея дѣ-

ляется: неаглядною, а женихъ узнаеть ее по золотому башмачку, прилишему къ дегтю. Весеннее солнце топить льды и снѣга, или выражаясь метафорически: оставляетъ слѣдъ своей ноги (золотой башмачекъ) въ растопленномъ дегтѣ. Слово *дѣготь* есть причастіе отъ литовскаго глагола *degu* — горю (*degas, degus, degsnis* — пожаръ, *degesis* — августъ, мѣсяць жаровъ, *degaltas, deguttis* или *daguttas* — деготь) и родственно съ санскритскимъ корнемъ *dag* — жечь и старонѣмецкимъ *dag* — день, откуда и нашъ *Дажь-богъ* — солнце (Отеч. Зап. 1855 г., № 9, стр. 53; Извѣст. Акад. Наукъ по Отдѣл. Русск. языка 1852 г., стр. 114—5).

Тотъ-же смыслъ и въ сказкѣ о сильно-могучемъ богатырѣ «Незнайкѣ» (вып. VII, № 10). Златовласый добрый молодець, гонимый злою мачихою (которая хочетъ предать его смерти), долженъ удалиться изъ-подъ родной кровли и скрыть до поры-до-времени свои золотыя кудри, молодость и красоту подъ бычачьимъ пузыремъ и шкурою, т. е. зимою солнце заволакивается снѣжными облаками и туманами, утрачиваетъ свои горячіе лучи и дѣлается на опредѣленный срокъ *плъшивымъ, неузнаваемымъ* оборотнемъ, но когда настаетъ время и богатырь побѣждаетъ *арапскаго* короля (позднѣйшая подставка древняго демоническаго существа; черный цвѣтъ — символъ всего враждебнаго, мѣшающаго солнечнымъ лучамъ согрѣвать землю), тогда спадаютъ съ него бычачья шкура и пузырь, золотыя кудри снова разсыпаются по могучимъ плечамъ юноши, и онъ вступаетъ въ благословенный союзъ съ прекрасною невѣстою — Землею. Побѣда надъ губительнымъ, всеоцѣняющимъ вліяніемъ зимы совершается при помощи весеннихъ грозъ и дождей; выражаясь миѣическимъ языкомъ, солнце только тогда начинаетъ красоваться своими золотыми локонами, когда выкупается въ источникѣ *живой воды* и умаститъ свою голову *зминою мазью* (т. е. умоется въ проливномъ дождѣ). По скандинавскому преданію, злой Локи обрѣзалъ прекрасныя косы Зифы, и чтобы избѣжать мщенія бога-громовержца — заказалъ подземнымъ карликамъ вы-

ковать ей новыя косы изъ чистаго золота. Эти карлики, какъ увидимъ ниже, суть громовыя стрѣлы; разбивая тучи, они выводятъ изъ-за нихъ златокудрую богиню, и такъ-сказать куютъ ей новыя волосы. Въ палатахъ змѣя сказочный герой находитъ кипящую воду или чудную мазь: стѣтъ только помочить той водой голову, или натереть ее тою мазью—какъ въ то же мгновение волосы стануть золотыми или серебряными.

Здѣсь считаемъ мы нужнымъ остановить вниманіе читателей на двухъ интересныхъ сказкахъ, сообщенныхъ въ Сборникѣ Гальтриха (№ 11 и 15). Одна изъ нихъ озаглавлена: «Der Wunderbaum». Случилось нѣкогда — мальчикъ-пастухъ погналъ овецъ въ поле и увидѣлъ дерево, которое было такъ красиво и громадно, что онъ долгое время стоялъ и смотрѣлъ на него совершенно-изумленный. Захотѣлось ему взобраться на то чудное дерево, и это не трудно было, потому что вѣтви его подымались вверхъ, точно ступени на лѣстницѣ. Мальчикъ снялъ свои башмаки и полѣзъ на дерево; цѣлые девять дней лѣзъ онъ и достигъ до широкаго поля: тамъ стояли многія палаты изъ чистой мѣди, а позади палатъ былъ большой лѣсъ изъ мѣдныхъ деревьевъ, и на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ мѣдный пѣтухъ, а подъ деревомъ журчалъ источникъ, текущій медью. Пасмотрѣвшись доволь, мальчикъ сломилъ себѣ вѣточку съ одного дерева, и такъ какъ ноги его были утомлены, то вздумалъ освѣжить ихъ въ водѣ. Онъ опустилъ ноги въ источникъ, и когда вынулъ назадъ—онѣ оказались покрытыми блестящею мѣдью. Мальчикъ поспѣшилъ воротиться къ исполнскому дереву, которое все еще высоко подымалось къ самымъ облакамъ и вершины котораго нельзя было разглядѣть. «Тамъ на верху должно быть еще лучше!» подумалъ онъ и полѣзъ выше. Девять дней взбирался папастухъ, не зная отдыха, и вотъ передъ нимъ широкое поле: на томъ полѣ стоятъ палаты изъ чистаго серебра, а позади ихъ лѣсъ изъ серебряныхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ серебряный пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій серебромъ. Мальчикъ

сломилъ себѣ вѣточку и вздумалъ умыть свои руки въ источникѣ, окунулъ ихъ въ воду — и онѣ тотчасъ стали серебряныя. Снова воротился онъ къ исполинскому дереву, вершина котораго терялась высоко въ поднебесьи. «Тамъ вверху должно быть еще лучше!» думалъ пастухъ и полѣзъ выше. Черезъ девять дней онъ очутился на самой верхушкѣ, и передъ нимъ открылось широкое поле: на томъ полѣ стояли палаты изъ чистаго золота, а позади ихъ лѣсъ изъ золотыхъ деревьевъ; на самомъ высокомъ деревѣ сидѣлъ золотой пѣтухъ, а внизу у корня журчалъ источникъ, текущій золотомъ. Мальчикъ сломилъ себѣ вѣтку, снялъ шляпу и нагнулся заглянуть въ источникъ; волосы его упали въ льющееся золото и сами сдѣлались золотыми. Спустившись съ исполинскаго дерева, пастухъ направляется къ королю и выговариваетъ позволеніе никогда не снимать шляпы, сапоговъ и перчатокъ, подъ предлогомъ, что у него злая короста. Тутъ совершаетъ онъ трудный и опасный подвигъ, въ награду за который получаетъ руку прекрасной королевы. Другая сказка упоминаетъ о трехъ лѣсахъ: въ одномъ всѣ деревья были мѣдныя, а посреди стоялъ мѣдный замкъ, принадлежавшій мѣдному дракону (Kupferdrache). Пастухъ гонитъ въ тотъ лѣсъ своихъ козъ, убиваетъ мечемъ-самосѣкомъ дракона и уноситъ изъ замка мѣдную узду. Вечеромъ онъ пригналъ стадо домой, и его козы дали молока несравненно больше, чѣмъ когда-либо прежде. На другой день пастухъ гонитъ свое стадо въ другой лѣсъ, въ которомъ всѣ деревья были изъ чистаго, блестящаго серебра; убиваетъ серебрянаго дракона (Silberdrache) и беретъ серебряную узду. Вечеромъ козы дали молока втрое больше, чѣмъ наканунѣ. На третій день пастухъ отправляется со стадомъ въ золотой лѣсъ, убиваетъ золотаго дракона (Golddrache) и захватываетъ съ собой золотую узду; въ этотъ разъ козы принесли молока вдесятеро больше, чѣмъ въ предыдущій вечеръ. Затѣмъ онъ пошелъ къ темной скалѣ, изъ которой бьетъ живая ключъ; помочивъ въ томъ ключѣ голову, и волосы его заблестали, какъ чистое золото. Три взятыя узды

имѣли то чудное свойство, что если потрясти ими, въ ту же минуту появятся безчисленныя войска въ мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ оружіяхъ; съ помощію этихъ войскъ добрый молодецъ поражаетъ сильнаго непріятели и женится на прекрасной царицѣ. Нѣмецкія преданія (Kinder-und-Hausmärchen, т. II, № 136) рассказываютъ о чудесномъ источникѣ Goldbrunnen: когда пришелъ къ нему королевичъ и помочилъ свою голову, то волосы его стали золотыми и *заблестали, какъ солнце* («und glänzte wie eine Sonne»).

Исполинское дерево нѣмецкой сказки и металлическіе лѣса, съ текущими среди ихъ источниками, напоминаютъ намъ три змѣиные царства: мѣдное, серебряное и золотое. Значеніе ихъ одно и тоже. Дождевыя тучи, застилающія небесный сводъ длинными и многовѣтвистыми полосами, въ глубочайшей древности были уподоблены дереву-великану, обнимающему собою весь міръ, — дереву, вѣтви котораго обращены внизъ, къ землѣ, а корни простираются до третьяго неба. О такомъ всемірномъ деревѣ сохраняются самыя живыя преданія во всѣхъ языческихъ религіяхъ арійскихъ народовъ, и послѣ превосходныхъ изслѣдованій Куна (Die Herabkunft des Feuers des Göttertranks) несомнѣнно, что это баснословное дерево есть мнѣ тучи, а живая вода (нектаръ) при его корняхъ и медъ, капающій съ его листьевъ, метафорическія названія дождя и росы. Зендская миѳологія знаетъ священное дерево жизни, отъ котораго произошли на землѣ всѣ цѣлебныя растенія; изъ-подъ него струится ключъ Ардвизуръ, источающій живую, цѣлящую воду; самый сокъ этого дерева даетъ здоровье и безсмертіе. Его называютъ Jat-bés — безскорбное и Harviç ptokhama — надѣленное всѣми сѣменами, которыя оно разноситъ вмѣстѣ съ дождемъ по всей вселенной. Кунъ находитъ подобныя же указанія въ гимнахъ Ригъ-Веды. Но особенно-знаменательна міровая ясьень Эдды—Иггдразилль: вѣтви ея тянутся черезъ всю вселенную, распростираясь и на небо, и на землю; подъ каждымъ изъ трехъ корней Иггдразилля вытекаетъ по источнику: одинъ источ-

никъ называется Urdharbrunnen (по имени норны Urdh), возлѣ котораго собираются боги опредѣлять непреложныя судьбы всего сущаго на свѣтѣ. Всякое утро норны черпаютъ изъ этого родника воду и окропляютъ ею вѣтви міровой ясени, отчего и происходитъ роса, падающая долу; на поэтическомъ языкѣ Эдды роса—honigfall (папающій медь). Другой источникъ — Mimir'sbrunnen, въ водахъ котораго таятся разумъ и мудрость; за глотокъ этого напитка Одинъ отдалъ въ закладъ свой единственный глазъ: мифическое изображеніе солнца (всевидящее око=солнце), закрытаго дождевною тучею. Птицы, возсѣдающія на вѣтвяхъ всемірнаго дерева,—птицы священные, разносители молніи *). Не менѣе любопытно сказаніе Калевалы о гигантскомъ *дубѣ*: мудрый Вейнемейненъ посадилъ жолудь; дубъ принялся и началъ расти не по днямъ, а по часамъ; онъ вытянулся такъ высоко и раскинулъ свои вѣтви на такія необъятныя пространства, что ни облакамъ не стало проходу, ни лучамъ солнца и луны доступу къ землѣ. Вейнемейненъ началъ обдумывать, какъ бы срубить это дерево, но ни гдѣ не находилось такого силача, чтобы могъ взяться за это трудное дѣло. Тогда Вейнемейненъ взмолился своей матери, чтобы она послала къ нему на помощь силы могучей воды — и вотъ вышелъ изъ моря *крошечный человечекъ*, съ ногъ до головы закованный въ тяжелую мѣдь, съ маленькимъ *топорикомъ* въ рукахъ; онъ срубилъ дерево (т. е. молнія разбила тучу и открыла путь дождю), солнце освѣтило землю, и все на ней ожило, ррзцвѣло и пришло въ движеніе. Сличн съ норвежскою сказкою во 2-й ч., № 19: прямо предъ окнами королевскаго замка выросъ дубъ, который былъ такъ громаденъ, что не пропускалъ въ комнаты ни единого солнечнаго луча; сколько ни старались срубить его, все было напрасно: съ каждымъ ударомъ, наносимымъ дубу, онъ становился все толще и могучѣе; наконецъ былъ найденъ чудесный *топоръ-саморубъ*, который и повалилъ это гигантское

*) *Красный пѣтухъ* до сихъ поръ у славянъ и нѣмцевъ служитъ синонимомъ *огня*.

дерево. Любопытно, что это преданіе о дубѣ сказка соединяетъ съ другимъ о твердой скаль, въ которой надо было вырыть колодезь, чтобы напоить все царство, жаждущее огъ засухи; такая трудная задача исполняется *киркою-саморойкою*. У славянъ сохранились преданія о двухъ дубахъ, стоявшихъ посреди моря до созданія міра. Слово *дубъ* первоначально заключало въ себѣ общее понятіе дерева, что до сихъ поръ слышится въ производномъ *дубина (дубинка)*; впоследствии названіе это исключительно усвоено самому крѣпкому дереву, которое и было посвящено богу грома (Тору, Перуну). У сербовъ дубъ прямо называется *рмов*. Преломляя солнечные и лунные лучи и окрашиваясь чрезъ то блестящими красками, тучи-деревья породили сказанія о металлическихъ змѣиныхъ лѣсахъ и вѣру въ золотыя «молодильныя» яблоки.

Отсюда понятно, почему въ нѣмецкой сказкѣ козы чѣмъ болѣе пасутся въ лѣсахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, тѣмъ болѣе даютъ молока. *Молоко*, какъ извѣстно, было однимъ изъ метафорическихъ названій дождя, а *козы* и *овцы*—зооморфическими представленіями тучъ и облаковъ, подобно коровѣ и другимъ животнымъ. Бѣлая облачка, являющіяся въ жаркіе дни на небѣ, до сихъ поръ называются у нѣмцевъ *Schäfchen*, а у насъ — *барашки*. Напомнимъ, что Торъ представлялся развѣзжающимъ по небу на козлахъ, и что у грековъ козель игралъ значительную роль на празднествахъ Вакху.

Вѣчныя, нескончаемыя бытвы Перуна съ тучами представлялись въ разнообразныхъ поэтическихъ образахъ, запечатлѣнныхъ глубочайшею древностью. Сказки знакомятъ насъ съ богатырями-великанами: *Дубыня* вырываетъ съ корнемъ столѣтніе дубы и другія деревья; онъ равняетъ лѣса: которыя деревья малы—тѣ вверху вытягиваетъ, которыя велики—тѣ въ въ землю всаживаетъ;—ему вполне соответствуетъ богатырь *Дугиня*, сгибающій вѣковыя деревья въ дуги. У нѣмцевъ богатырь этотъ извѣстенъ подъ именами *Baumdreher* и *Holzkrummsmacher*. Подобно тому, какъ *Дубыня* испытываетъ свои силы надъ деревьями, такъ *Горыня* показыва-

еть свою мощь надъ горами; онъ vorочаетъ самыя высокія горы, бросаетъ ихъ куда вздумается, катаетъ ногою словно комъ грязи, отшибаетъ кулакомъ громадныя скалы, и отъ его могучихъ ударовъ дрожитъ земля; у нѣмцевъ онъ называется *Steinzerreiber* и *Felsenklipperer*. Мы уже указали, что тучи въ древнѣйшихъ эпическихъ сказаніяхъ уподоблялись горамъ и деревьямъ. Сказочные великаны, вырывающіе дубы и сокрушающіе горы, собственно разбиваютъ тучи; въ нихъ олицетворено явленіе грозы, съ ея потрясающимъ громомъ и молніеносными стрѣлами; почему въ литовской сказкѣ (Шлейхеръ, стр. 128—140) Дубыня замѣненъ кузнецомъ, который владѣетъ громаднымъ молотомъ, напоминающимъ подобное же орудіе Тора: стобитъ ему ударить этимъ молотомъ, какъ тотчасъ падаетъ самое крѣпкое дерево. Въ сагѣ о Вѣльзунгахъ говорится о священномъ деревѣ, въ которое Одинъ врубилъ свой чудесный мечъ. По сказанію Бѣлорусовъ, Перунъ развѣзжаетъ по небу, и если увидитъ, что на землѣ творится беззаконіе, то разбиваетъ скалы или *малыя небеса* и низводитъ на беззаконниковъ молнію. Эда такъ выражается о божествѣ грома: Торъ идетъ—скалы дражатъ! (см. издан. Симрѣка стр. 59). Титаны, сражавшіеся противъ Зевса, воздвигали горы на горы, желая достать до высокаго неба; но Зевсъ бросилъ на нихъ молніи и они пали подъ обломками скалъ. Страшно, говорить Гезіодова теогонія, гудѣла земля и безпредѣльное море, потрясенное небо стонало и Олимпъ колебался въ своихъ основаніяхъ отъ воинскихъ кликовъ и горнаго метанія стрѣлъ! Вѣрованія всѣхъ арійскихъ народовъ одинаково богаты повѣстями о борьбѣ громовержца съ великанами горъ, которые стараются задержать плодотворную влагу дождя и не допустить ее на жаждущія поля и нивы. На миѣическомъ значеніи горъ и скалъ основаны народныя рассказы о томъ, будто великаны могутъ съ такою силою сжимать въ своихъ рукахъ камни, что изъ нихъ вода выступаетъ. И у славянъ, и у нѣмцевъ извѣстно преданіе о превращеніи великановъ въ горы и скалы (*Deutsche Mythol.*

стр. 499; Истор. Русск. словесн. преимущественно древней, ч. 1, стр. 203); по другому преданію города великановъ отличались необычайной суровостью: они постоянно враждовали другъ съ другомъ и вели безпрестанныя, жестокія войны, и за эту вражду всё до единого погибли въ потопъ (Основ. 1861 г. мартъ, стр. 116; Этногр. сборн., вып. V, стр. 126, въ статьѣ о Кашубахъ), т. е. въ переводъ на простой языкъ—громоздныя тучи тотчасъ же исчезаютъ съ неба, какъ скоро изливаются на землю въ обильныхъ потокахъ дождя. Дубыня и Горыня называются иногда *Вервидубъ*, *Вернигора* или *Вертодубъ*, *Вертогоръ*. Въ повѣстяхъ и преданіяхъ народовъ славянскаго племени, изданныхъ Боричевскимъ (стр. 112—6), есть разсказъ о женѣ охотника, которая родила въ лѣсу двухъ близнецовъ и тутъ-же померла; одного мальчика вскормила львица, а другаго волчиха, и выросли изъ нихъ силачи *Вывидубъ* и *Валигора*, побѣдители страшнаго Змѣя. Валигора бросилъ на Змѣя цѣлую гору и прищемилъ ему хвостъ, а Вывидубъ размозжилъ ему голову коренастымъ дубомъ. То же значеніе разбивателя тучъ надо приписать и богатырю *Медвѣдко*. Все это различныя названія Перуна, опредѣляющія тѣ или другія его свойства и признаки. Медвѣдко переставляетъ съ мѣста на мѣсто высокія горы и съ-разу выпиваетъ цѣлое озеро; какъ близнецы Вывидубъ и Валигора вскормлены львицею и волчихою, такъ и онъ рождается отъ Медвѣдя. Медвѣдь, изстари-извѣстный своею любовью къ меду, на ряду со многими другими животными попалъ въ путаницу мифическихъ представленій, и какъ медъ былъ метафорическимъ названіемъ дождя, такъ медвѣдь сдѣлался символомъ божества, разбивающаго тучи и высасывающаго изъ нихъ дождь. Яковъ Гриммъ въ своей *Мифологіи* (стр. 633) замѣчаетъ: *Biörn (bär) war ein beiname des Thörr und nach der welschen Sage wurde König Artur, als bär und gott dargestellt*. У древнихъ германцевъ медвѣдь почитался за царя животныхъ; у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вмѣстѣ съ другими суевѣрными обрядами, духовенство запрещало

также водить медвѣдя. Въ одной изъ русскихъ сказокъ (вып. V, № 28) выведенъ царь-медвѣдь—желѣзная шерсть; царевичъ съ царевною, спасаясь отъ него бѣгствомъ, думаютъ улетѣть на крыльяхъ сокола и вѣрона, но попытка оказывается неудачною: медвѣдь *опалаетъ* птицамъ крылья, и онѣ опускаются на землю.

Всѣ названные богатыри-великаны борются съ длиннородымъ карликомъ. Мужичокъ-съ-ноготокъ, борода-съ-локотокъ, или: самъ-съ-пѣрсть, борода на семь верстъ, у другихъ славянъ называется: *Redonjčlovek-laketbrada* (у хорутанъ), *Педачовѣкъ-лакѣтъбрада* (у болгаръ); у литовцевъ извѣстны «парстукки»: парстукъ—человѣкъ не болѣе ступни, но съ бородою въ сажень; у нѣмцевъ—*Daumesdick, Daumerling*, т. е. карликъ величиною съ большой палецъ. Это мифическое существо принадлежитъ къ древнѣйшимъ и всеобщимъ вѣрованіямъ арійскихъ народовъ. У индѣйцевъ оно почиталось одареннымъ высшею мудростью. Въ Тысячѣ и одной ночи человѣчекъ въ полтора фута вышины, съ бородою въ тридцать футовъ, является съ желѣзною палкою, ударъ которой неотразимъ и смертеленъ. Мужичокъ-съ-ноготокъ—то же, что мальчикъ-съ-пальчикъ, т. е. олицетворенная молнія, а его длинная борода—туча. Бѣлорусское преданіе говоритъ, что Перуну подвластны гарцуки—горные духи, которые живутъ въ скалахъ (тучахъ) и подобны маленькимъ дѣтямъ; когда они, играя, устремляются въ запуски, то отъ ихъ быстрого бѣга подымается вихрь и начинается крутить песокъ, а когда несутся по воздуху, то полетъ ихъ производитъ вѣтры и непогоду (Прибавл. къ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1841 г., кн. IV, стр. 87—88). Эдда рассказываетъ, что Торъ, поджигая своимъ молотомъ погребальный костеръ Бальдура, спихнулъ въ огонь карлика, который вертѣлся у него подъ ногами (изд. Симрока, стр. 281). Въ хорутанской сказкѣ (у Валявца, стр. 116—9) *Palček* состязается съ чортомъ—*vrag*: слово, справедливо сближаемое Гриммомъ съ старонѣмецкомъ *warg*—волкъ, готѣ *vargs*, исл. *vargr*, санскр. *vṛka*; волкъ, какъ мы знаемъ—зооморфическій образъ

тучи; отъ того-то, по свидѣтельству народной сказки, мальчикъ-съ-пальчикъ, попадая въ утробу волка, такъ неугомоненъ и такъ много причиняетъ ему бѣдъ. Мгновенно-блещущая и быстро-исчезающая молнія, относительно горныхъ тучъ, обнимающихъ все безпредѣльное небо, казалась малюткою въ нѣдрахъ великана и была уподоблена пальцу на его рукѣ. Потому «громовыя стрѣлки» (сосульки, образующіяся въ пескахъ отъ удара молніи и сварки песку, и белсмниты) у нѣмцевъ называются *Donnerkeil*, *Donneräxte*, *Donnerhämmer* и *Teufelsfinger* (*Deutsche Mythol* Гримма, стр. 163—4); послѣднее названіе (*чортовы пальцы*) извѣстно и между нашимъ простонародьемъ. Въ одной русской сказкѣ (вып. VII, № 3) Змѣй надѣленъ *огненнымъ пальцемъ*, силою котораго онъ приживляетъ отрубленные свои головы къ туловищу; въ другихъ сказкахъ Иванко-Медвѣдко (или багракъ Балда) убиваетъ *щелчкомъ* быка и медвѣдя. По любопытному сказанію Эдды громовержець Торъ провелъ однажды цѣлую ночь въ *мизинцѣ* перчатки гиганта, и потомъ выйдя изъ этой темной спальни, ударилъ его въ голову своимъ страшнымъ молотомъ; но великанъ даже не тронулся: «кажись, древесный листъ упалъ мнѣ на волосы!» сказалъ онъ. Подобно тому въ русской былинѣ Илья-Муромецъ (смѣшиваемый въ народныхъ преданіяхъ съ Ильею-Пророкомъ, на котораго перенесены всѣ атрибуты Перуна) очутился въ карманѣ великана *Святогора* (гора=туча); Святогоръ былъ такъ громаденъ, что головой своей упирался въ облака. Представленіе это не чуждо и финской поэмѣ Калевалъ: могучій Вейнемейненъ былъ проглоченъ великаномъ Вишуненомъ, и неожиданно очутившись въ его желудкѣ, словно въ мрачной и просторной тюрьмѣ, онъ развелъ тамъ огонь, изъ рукавовъ своей одежды сдѣлалъ мѣха и началъ ковать своей булавою: стучигъ, гремитъ, пламя раздуваетъ; дымъ валитъ столбомъ вверхъ; искры такъ и сыплются во всѣ стороны. Не стало великану покоя ни днемъ, ни ночью, и чтобы заставить хитраго кузнеца выйти воцъ, онъ долженъ былъ передать ему всю свою мудрость.

Мальчикъ-съ-пальчикъ является иногда подь именемъ *слуш-невидимки* (въ сказкѣ «Пойди туда—не знаю куда, принеси то—не знаю что,» вып. VII, № 4): названіе, приданное ему потому, что онъ постоянно прячется за облачными покровами. Онъ исполняетъ всевозможныя желанія своего господина (сказочнаго героя, которому обязанъ служить) и напоминаетъ собою слугъ *волшебной палицы*.

Въ древнѣйшихъ преданіяхъ молнія обыкновенно уподоблялась воинскому орудію, а богъ громовникъ представлялся сражающимся и побѣждающимъ несчетныя рати демоновъ. Орудіе это—*палица* (*палка, дубинка*); сравни съ созвучными словами: *за-палить* въ кого мячемъ (ударить), подобно тому какъ глаголы *ожечь, жигануть* также употребляются для обозначенія удара и укола; *паля*—ударъ по рукѣ линейкою. Прибавимъ, что *живой огонь*, изстари пользовавшійся особеннымъ религіознымъ уваженіемъ, какъ символъ небснаго огня, добывался *трениемъ изъ дерева* и что подобнымъ же образомъ Индра буравилъ дерево-тучу и вызывалъ изъ нея молнію. Отсюда объясняется, почему сказочные герои, въ лицѣ которыхъ фантазія олицетворяла бога-громовержца, метателя огненныхъ стрѣлъ, раждаются изъ обрубка дерева (полѣна). Софійская лѣтопись сохранила слѣдующій любопытный разсказъ о Перуновой палицѣ: «И приде къ Новгороду архіепискупъ Якимъ, и требища разори, а Перуна посѣче и повелѣ воврещи въ Волховъ. И повязавше ўжи, влечахуть ѣ по калу, біюще жезліемъ и пихающе... и вринуша его въ Волховъ. Онъ же, пловя сквозѣ великій мостъ, верже палицу свою и рече: на семъ мя поминають новгородскыя дѣти, ею-же, и нынѣ безумніи убивающесея, утѣху творять бѣсомъ.» (Полн. Собр. Рус. Лѣтоп., т. V, стр. 121). Мѣсто диковинной палицы заступаютъ иногда въ народныхъ сказкахъ: а) *топоръ саморубъ* и *дубинка-самобой*: оба эти орудія — и топоръ, и дубинка, по приказу своего обладателя, сами собой бросаются на враждебныя полки, побиваютъ немѣтныя силы, и возвращаются назадъ въ его руки, по-

добно Торову мѣлоту; б) *мечъ—самосѣкъ* или *кладенецъ*, добываемый богатыремъ изъ-подъ высокой горы (тучи), гдѣ лежитъ онъ скрытно отъ людскихъ взоровъ, какъ нѣкій драгоценный *кладъ*; в) *клюка* и *помело* (отъ *мести*, *метель*—вихрь; вѣдъмы летаютъ на помелѣ т. е. въ бурномъ вихрѣ): гдѣ махнетъ помело, тамъ въ неприятельской рати улица; что ни захватить клюка, то и въ плѣнъ волочетъ. При дальнѣйшей работѣ фантазіи эти простыя, первоначальныя представленія расширяются, и подъ влияніемъ той или другой обстановки обыденной жизни человѣка выражаются въ формахъ болѣе искусственныхъ и сложныхъ. Чудесная дубинка уже не прямо сама собою поражаетъ враговъ, а получаетъ волшебное свойство вызвать противъ нихъ такую же или еще большую силу своихъ ратниковъ. Стоитъ только махнуть или ударить ею, какъ тотчасъ—словно изъ земли—вырастаетъ несчетное воинство. Точно также и стукъ мѣлота выставляетъ несмѣтныя полки солдатъ. Въ одной русской сказкѣ (вып. VII, № 7) выведены мифическіе кузнецы, которые напоминаютъ собою циклоповъ, занимавшихся ковкою громовыхъ стрѣлъ для Зевса. Кузнецы эти калятъ желѣзо и бьютъ его молотами: что ни ударъ—то и солдатъ готовъ—съ ружьемъ, съ саблею, хоть сейчасъ въ битву! Здѣсь кроется объясненіе того, до сихъ поръ бывшаго загадочнымъ, греческаго преданія, что Язонъ вспахалъ поле мѣдными быками, сдѣланными Вулканомъ, извергавшими изъ ноздрей и ртовъ пламя, и посѣялъ драконовы зубы, изъ которыхъ выросли желѣзные люди—въ племахъ, съ копьями и мечами; съ яростью устремились они на битву, и поражая другъ друга, всѣ до единого погибли. Если напомнимъ, что громоносныя тучи, по древнѣйшимъ представленіямъ арійцевъ, уподоблялись быкамъ, а молніи—острымъ зубамъ дракона, то смыслъ означеннаго преданія будетъ совершенно ясенъ. По нашимъ сказкамъ *злѣиный зубъ* (въ заговорахъ онъ называется *золотымъ*), вонзаясь въ голову человѣка или звѣря, причиняетъ ему смерть; а если попадетъ въ дерево, то оно немедленно засыхаетъ. Другой греческій мифъ пред-

ставляетъ воинственную Минерву рождающеюся изъ головы Зевса (т. е. изъ громовой тучи) во всемъ браниомъ вооруженіи. Топорь-саморубь строить города и корабли: тяпъ да ляпъ—и готовъ корабль! ударь лёзомъ по землѣ—станеть дворець или городъ; ударь обухомъ—и нѣтъ ничего! И *городъ* (*крѣпость*), и *корабль* означаютъ здѣсь тучу, облако (см. ниже о летучемъ кораблѣ). Венгерскія сказки (стр. 142, 181) говорятъ о мѣлотѣ, который самъ собою разбиваетъ стѣны и башни *зѣмкевъ*, и объ золотой вѣткѣ, которая имѣла то дивное свойство: если ударить ею по *скаль* (тучѣ), то скала вмгъ раскрывается и изливаетъ воду. Эта золотая вѣтка тоже самое, что Springwurzeln, Wünschelruthe и наша *разрывъ-трава*, прикосновеніе которой уничтожаетъ всѣ запоры.

Слуга-невидимка не только доставляетъ своему господину топорь-саморубь и строить для него дворець, но еще носигъ его по воздуху съ быстротою вѣтра, точно на коврѣ-самолетѣ, кормить его вкусными яствами и поить славными винами, подобно скатерти-самобранкѣ. И *коврѣ-самолетъ*, и *скатерть-самобранка* (у нѣмцевъ: Tischchen deck dich)—метафорическія названія тучи; первое указываетъ на ея быстрый полетъ, а послѣднее на приносимый ею дождь (нектарь)—непремѣнное условіе урожая.

Теперь о длинной бородѣ Карлика. Темныя тучи, покрывающія небо, на древнемъ метафорическомъ языкѣ уподоблялись кудрявымъ, вклокоченнымъ волосамъ, а самый небесный сводъ черепу головы. Индѣйскій мифъ утверждаетъ, что небо создано изъ черепа Браммы, а по скандинавскому преданію оно произошло изъ черепа великана Имера. Безоблачное, ясное небо до сихъ поръ удерживаетъ у сибирскихъ шамановъ знаменательный эпитетъ *лысаго*. При жертвоприношеніяхъ они обращаются къ небу съ такою мольбою: Отець лысое Небо! Младшій сынъ плѣшиваго Неба! сдѣлайте, чтобъ N (имрекъ) былъ богатъ скотомъ, счастливъ въ промыслахъ и имѣлъ бы большую семью» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., Прибавл., кн. II, стр. 55—6). Вспомнимъ обиходныя

выраженія: «плѣшь *просвѣчиваетъ*, лысина *свѣтитъ*» и народную загадку о мѣсяцѣ: «*лысый* жеребецъ черезъ прясла глядитъ» т. е. мѣсяцъ, не затемненный облаками, свѣтитъ на дворъ. Какъ обломокъ древнихъ мнѳическихъ вѣрованій, въ нашемъ народѣ уцѣлѣли названія: *лысый бѣсъ* и *лысая гора*, на которую, какъ извѣстно, слетаются вѣдьмы творить свои чары. У южныхъ славянъ чело-вѣкъ съ сросшимися бровями называется *волчьимъ глазомъ* (волкъ=туча; см. Отеч. Зап. 1855 г., № 8, стр. 86, въ отдѣлѣ иностр. литерат.); въ нашемъ языкѣ нахмуренныя очи сближаются съ небесными свѣтилами, помраченными наплывомъ тучъ: сравни *хмурится*, *хмура* и *хмара*—туча. Зевсу стоитъ только кивнуть своими черными бровями, какъ весь Олимпъ (т. е. небо,—то же значеніе соединялось и съ нашею лысою горою—см. въ Изв. Академ. Наукъ статью мою: «Нѣсколько словъ о мнѳической связи языка и повѣрій») потрясается; когда Доннаръ гнѣвается, онъ, по нѣмецкимъ сказаніямъ, потрясаетъ своею красною бородою и чрезъ то производитъ въ облакахъ громъ (Deut. Mythol. Гримма, стр. 161—2; Zeitschrift für Deut. Myth., т. 2, стр. 184—6). Тотъ-же мнѳическій смыслъ, какой приданъ бородѣ и бровямъ, распространень и на усы; рядомъ съ длиннородымъ карликомъ, народная фантазія создала особыхъ богатырей *Усыню* и *Віа* (*viu*—рѣсницы), и надѣлила перваго такими огромными усами, что онъ легко можетъ запрудить ими рѣку; по его длинному усу переpravляются витязи на другой берегъ, какъ по мосту. Богатырь этотъ нерѣдко сливается съ длиннородымъ мужичкомъ въ одно лицо: самъ-съ-пѣрсть, усы на семь версть, или Усыня—самъ-съ-ноготокъ, борода съ локотокъ, усы по землѣ тащатся, крылья на версту лежатъ;—крылья постоянно соединяются со всѣми представленіями тучъ, для обозначенія ихъ быстрого полѣта. Віа преданіе даетъ такіа страшныя брови и рѣсницы, что онѣ опускаются до самой земли; приподнять ихъ можно только соединенными усиліями нѣсколькихъ силачей и то съ помощію желѣзныхъ вилъ; но какъ скоро брови и рѣсницы подняты,

Вій сожигаетъ своимъ взглядомъ (т. е. молніей) все, на что ни посмотритъ (см. вып. VII, № 3; вып. VIII, № 13; статья о связи понятій свѣта, зрѣнія и проч. въ Архивѣ г. Калачова).

Въ Калевалѣ есть разсказъ, что на свадьбу божественнаго ковача Ильмаринена достали столь огромнаго *быка*, что ласточкѣ нужно было употребить на пролетъ между его рогами цѣлый день. Никто не брался заколотъ это чудное животное, въ образѣ котораго финская поэма, согласно съ общими индо-европейскими преданіями, олицетворила дожденосное облако; но явился изъ моря крошечный человекъ, ростомъ съ большой палецъ, съ бородой по колѣна, волосами по пятки, съ каменной шапкой на головѣ, и зарѣзалъ быка *золотымъ ножомъ*, наполнивъ мясомъ его сто ушатовъ, жиромъ шесть бочекъ и кровью семь лодокъ. По нѣмецкимъ и славянскимъ преданіямъ, карлики поражаютъ драконовъ, — знаютъ — гдѣ хранится живая вода, — обитаютъ въ горахъ (тучахъ), — обладаютъ богатыми сокровищами, и являются то искусными кузнецами, то рудокопами, добывающими серебро и золото; такимъ образомъ пародныя повѣрья роднятъ ихъ съ кузнецами-великанами, приготовлявшими Зевсу молніи, и съ дракономъ, покоившемся на золотомъ ложѣ и охранявшемъ драгоценныя клады.

Больно достается богатырямъ (Дубынѣ съ товарищами) отъ могучаго карлика; но потомъ побѣжденный — онъ самъ бѣжитъ и уходитъ подъ *камень* (т. е. скрывается въ тучи), и чтобы добраться до него, надо спуститься въ мрачныя подземелья. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ сказки, вмѣсто этого бородатаго карлика, выводится Баба-Яга: приподымая огромный камень, она пріѣзжаетъ изъ подземнаго царства на ступѣ и бьетъ богатырей своимъ неотразимымъ толкачомъ. Баба-Яга, въ качествѣ мудрой и могучей вѣдьмы, свободно распоряжается естественными силами природы и сливается съ ними; ея быстрые полеты, обладаніе конями вихрями и замечаніе слѣда помеломъ указываютъ на бурю и метели, толкачь и ступа — на тотъ мнѣнческій жорновъ, на которомъ раз-

ѣзжалъ Перунъ. Замѣтимъ, что въ отдаленную эпоху жизни первобытныхъ племенъ зерна толклись, а не молотились; ручной жорновъ замѣнилъ ступу и толкачь, и свою очередь долженъ былъ уступить мельницѣ. Одинаковое впечатлѣніе, производимое грохотомъ грома, стукомъ кузнечныхъ молотовъ, мельничныхъ жернововъ и молотильныхъ цѣповъ сблизило между собою эти разные понятія и породило цѣлой рядъ баснословныхъ сказаній; сравни слова: *молотъ* (*miölnir*), *молнія*, *молоть* и *молотить* (Архивъ Историко-юрид. свѣд. о Россіи, статья О миѣнч. связи понятій свѣта, зрѣнія, металловъ Ас. стр. 17). Толкачь или клюка Бабы-Яги точно также побиваютъ недруговъ какъ и Перунова палица. Между нашими поселянами существуетъ преданіе о чертовой мельницѣ; малороссійскіе народные рассказы представляютъ чертей въ видѣ мирошниковъ (Записк. о южн. Россіи, Т. II. стр. 45—47); наконецъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ чудесныя жерновки (или мельница) играютъ такую же роль, какъ скатерть-самобранка (см. Нар. Рус. легенды, стр. 201—3).

Сдѣланные нами выводы о значеніи миѣическихъ лицъ, дѣйствующихъ въ борьбѣ съ длиннородымъ карликомъ или Бабой-Ягою, подтверждаются литовскою сказкою, которая развиваетъ подобное же содержаніе, но вмѣсто Дубыни, Горыни и Бабы-Яги выводитъ *Перуна*, *дьявола* (обыкновенная замѣна дракона или змѣя), *Лау-му*. Когда-то вздумалъ странствовать по свѣту молодой плотникъ; на дорогѣ присоединились къ нему Перунъ и дьяволъ, и пошли всѣ вмѣстѣ. Перунъ и дьяволъ добывали припасы, а мужикъ варилъ и жарилъ; жили они, словно кочующіе дикари, пока не вздумалось плотнику построить избу. При помощи своихъ товарищей, которые притащили всѣ нужные матеріалы, онъ построилъ красивую избушку; потомъ сдѣлалъ соху, запрегъ въ нее Перуна и дьявола и вспахалъ поле; смастерилъ борону и на тѣхъ-же товарищахъ взборонилъ пашню и посѣялъ рѣпу. И повадился къ нимъ ходить по ночамъ воръ и таскать рѣпу. Надо было караулъ держать. На первую

ночь досталось стеречь дьяволу. Вотъ приѣзжаетъ на тележкѣ воръ и началъ таскать рѣпу; дьяволъ бросился было ловить, но воръ такъ избилъ его, что еле живаго оставилъ, а самъ ускакалъ. Воротившись домой, дьяволъ скрылъ отъ товарищей свою неудачу. На другую ночь пошолъ караулить Перунъ — и съ нимъ тоже случилось; умолчалъ и онъ о своемъ срамѣ. На третью ночь отправился карауль держать плотникъ и захватилъ съ собой скрипку; сѣлъ подъ дерево и сталъ наигрывать. Вотъ слышитъ онъ — ѣдетъ кто-то по полю, кнутомъ похлопываетъ, а самъ приговариваетъ: «пичь-пачь! живѣй желѣзная телѣжка, проволочный кнутъ!» Мужикъ продолжалъ пилить на скрипкѣ, думая тѣмъ напугать вора; но вору понравилась музыка. Онъ остановился, началъ прислушиваться: это была дикая, злая Лаума, которая жила въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ поселились Перунъ, дьяволъ и плотникъ. Она была такъ сильна, что никто не могъ съ нею сладить. Плѣнясь музыкою, Лаума подошла къ мужику и просила, чтобы онъ далъ ей поиграть на скрипкѣ. Мужикъ подалъ скрипку, но сколько она ни прилагала усилій, музыка ей не давалась. Тогда стала она просить плотника, чтобы научилъ ее играть на скрипкѣ. Мужикъ замѣтилъ, что для этого нужны пальцы такіе-же тонкіе, какъ у него, и потому надо ей пальцы немного сжать. Лаума согласилась. Мужикъ сдѣлалъ трещину въ толстомъ пнѣ, забилъ туда клинъ, и велѣлъ Лаумѣ всунуть въ эту трещину свои пальцы; какъ скоро она это сдѣлала, онъ вытащилъ клинъ и защемилъ ей пальцы; потомъ взялъ проволочной кнутъ и больно отстегалъ ее. Вырвавшись наконецъ изъ западни, Лаума бросилась бѣжать, покинувъ и свою тележку, и свой кнутъ. Наутро плотникъ вдоволь насмѣялся надъ своими товарищами, что они не сѣумѣли устеречь рѣпы и позволили прибить себя старой бабѣ. Тогда-то не шутя стали побаиваться его и Перунъ и дьяволъ, думая, что онъ великій силачъ. Наконецъ вздумали они разойтись и порѣшили оставить избу за тѣмъ, кто ничего не испугается. Двое должны были оставаться въ избушкѣ, а третій

пугаль. Первая очередь пугать досталась чорту. Онъ подпаль такой вихрь и шумъ, что Перунъ отъ страха убѣжалъ въ окно; но плотникъ спокойно сидѣлъ и читалъ молитвы. Вторая очередь была за Перуномъ; онъ такъ сильно разразился громомъ и молніей, что дьяволъ въ ужасѣ бросился изъ окна. Онъ уже давно не довѣрялъ Перуну и боялся, чтобы тотъ не поразилъ его громовой стрѣлою; дьяволу хорошо было извѣстно, что Перунъ побиваетъ всѣхъ чертей, сколько ни рыщеть ихъ по бѣлу свѣту. (Это мѣсто литовской сказки прямо указываетъ, что подъ дьяволомъ скрывается здѣсь древній великанъ-туча). Плотникъ безбоязненно продолжалъ читать свой молитвенникъ. Когда очередь пугать дошла до него,—онъ сѣлъ на телѣжку, покинутую Лаумой, взялъ въ руки ея кнутъ, поѣхалъ къ избушкѣ и запѣлъ, подражая Ламѣ: «пичь-пачь! живѣе желѣзная телѣжка, проволочный кнутъ!» Перунъ и дьяволъ такъ струсили, что совсѣмъ убѣжали, оставивъ плотника хозяиномъ избы. (Litthauische Märgen Шлейхера, стр. 141—5). Лаума соответствуетъ нашей Бабѣ-Ягѣ; она такая-же старая и злая баба, проживающая въ лѣсу; ея страшный кнутъ и сама-собою ѣдущая телѣжка—тоже, что толкачъ и ступа Бабы-Яги. Близкая связь Лаумы съ явленіемъ грозы очевидна изъ названія громовой стрѣлки—*сосцелг Лагмы* (Láumes rapas).

Богатыри-великаны, представители весеннихъ грозъ, являются и въ сказкѣ о Летучемъ кораблѣ (вып. VI, №27). Содержаніе исполнено многихъ любопытныхъ указаній, раскрывающихъ передъ нами старинныя поэтическія воззрѣнія на природу. Герой сказки отправляется добывать не сказанную красавицу; странствованіе въ ея далекое царство онъ совершаетъ на летучемъ кораблѣ, а чтобы получить невѣсту—долженъ, слѣдуя обычному приему, совершать разныя трудныя задачи, въ исполненіи которыхъ ему помогаютъ могучіе товарищи. Летучій корабль подобно птицѣ, можетъ носиться по воздушнымъ просторамъ съ изумительною скоростью; по свидѣтельству одной сказки, онъ находится во власти мнѣческаго ста-

рика, надѣленнаго чудовищными бровями и рѣсницами. Чтобы вызвать появленіе этого корабля, герой ударяетъ въ дубъ, дерево, посвященное Перуну, и это напоминаетъ намъ объ одномъ изъ Семи Семіоновъ: взявъ Семіонъ топоръ, срубилъ громадный дубъ,—тяпъ да ляпъ—и сдѣлалъ корабль, который могъ плавать и по водѣ и подъ водою. Вообще сказка о Семи Семіонахъ, по содержанию своему, родственна со сказкой о Летучемъ кораблѣ: это только разныя варіаціи одного и того-же эпического преданія. Другіе народы также знаютъ о летучемъ кораблѣ. Въ норвежскихъ сказкахъ упоминается о корабликѣ, который такъ малъ, что его можно въ карманъ спрятать, но который тотчасъ-же вырастаетъ въ большое судно, какъ скоро поставить на него ногу, и свободно несется черезъ горы и доли по воздуху; упоминается еще о лодкѣ съ такой рукояткою, что если приподнять ее слегка—подуетъ попутный вѣтеръ, а приподыми выше—и зашумитъ буря (Norweg. Volksmärch. ч. I, № 3 и 24; Deutsche Hausmärch. Вольфа, стр. 202,—308; Kinder—und—Hausmärchen, т. I, стр. 407; Slovanska Citanka, стр. 94). *Летучій корабль*—тоже самое, что и коверъ-самолетъ, т. е. метафора облака или тучи, носимой по поднебесью буйными вѣтрами. Не случайно нашъ поэтический языкъ удержалъ за легкими, всегда подвижными облаками постоянный эпитетъ *ходячихъ*. Ихъ стремительный полетъ, въ періодъ образованія языка, породилъ много метафорическихъ названій, основанныхъ на весьма близкихъ и понятныхъ тогдашнему человѣку уподобленіяхъ. Быстро-несущееся облако представлялось и ковромъ-самолетомъ, и птицею, и крыленымъ конемъ, и летающимъ кораблемъ. Представленіе облака и тучи—кораблемъ возникло одновременно съ представленіемъ неба—моремъ, и тѣмъ легче было возникнуть этой метафорѣ, что, на основаніи живаго впечатлѣнія, производимаго подвижностью облака и паруснаго судна, оба эти понятія одинаково уподоблялись птицѣ. До сихъ поръ народныя пѣсни сравниваютъ лодки съ чайками, а корабли съ лебедями; корабль Соловья Будими-

ровича назывался соколомъ; то же названіе присвоено былиной и кораблю новгородскаго гостя Садка.

Одинъ изъ списковъ разсматриваемой теперь сказки замѣняетъ летучій корабль *крылатымъ конемъ*: замѣна, нисколько не противорѣчающая смыслу преданія; это только другой образъ, а заключенное въ немъ понятіе остается то же самое. Крылатый конь — символъ порывистаго вѣтра, бури и громоносной тучи; съ другими же дополнительными эпитетами—огненный, золотой—символъ солнца. Въ старинномъ византійскомъ романѣ, встрѣчающемся въ нашихъ рукописяхъ подъ названіемъ «Девгеніева житія», упоминаются три волшебные коня, *рекомые: Вѣтреница, Громъ и Молнія* (Памяти Стар. Русск. лит., вып. II, стр. 383). Богатырскіе кони нашихъ былинъ и сказокъ съ такою легкостью и быстротою скачутъ съ горы на гору, черезъ моря, озера и рѣки, отличаются такой величиною, силой и предвидѣньемъ, что нимало не скрываютъ своего миѳическаго происхожденія и средства съ обоженныхъ явленіями природы. Русскія и сербскія сказки нерѣдко говорятъ о крылатыхъ коняхъ; таковъ былъ бурый конь Дюка Степановича. По выраженію болгарской пословицы, вѣтеръ носится на бѣлой кобылѣ; а въ хорутанской приповѣдкѣ (стр. 77—78) молодець, отыскивая свою невѣсту и не дознавшись объ ней ни у Солнца, ни у Мѣсяца, приходитъ на лугъ, гдѣ паслась бурая кобыла—«to je bila buga ili veter» (сравни слова: *бурый* и *бурный*), и прячется подъ мостъ; когда прибѣжала кобыла пить воду, молодець выскочилъ, сѣлъ на нее верхомъ, и она быстрѣй птицы примчала его въ великанскіе города. Въ венгерской сказкѣ (стр. 141—2) молодець, ищущій свою невѣсту, обращается къ Вѣтру, и тотъ даетъ ему коня-вихря (*Windpferd*), бѣгущаго со скоростью мысли; въ норвежскихъ же и нѣмецкихъ сказкахъ Вѣтеръ самъ переноситъ юношу въ ту далекую страну, куда скрылась его красавица. Очувшись въ царствѣ Виль, герой хорутанской приповѣдки три ночи долженъ былъ прятаться отъ враждебныхъ покушеній: первую ночь онъ проводитъ въ хвостѣ бурой кобылицы,

другую — въ ея гривѣ, а третью — въ ея подковѣ. Соответственно тому, въ нашихъ сказкахъ мальчикъ-съ-пальчикъ (молнія) прячется въ лошадиномъ ухѣ; а добрый молодецъ, побѣдитель Змѣевъ (т. е. Перунъ, громитель тучъ) влѣзаетъ въ голову сивки-бурки: въ одно ухо войти, въ другое выйдетъ—и сдѣлается неборимымъ силачемъ и красавцемъ. Въ переводѣ на общепонятный языкъ, смыслъ этихъ метафорическихъ выраженій таковъ: молнія скрывается въ головѣ гигантскаго коня-тучи, и выходя оттуда, является глазамъ смертнаго во всемъ торжествѣ своей блестящей красоты и всесокрушающей силы. Въ этомъ уподобленіи бурной дождевой тучи коню кроется объясненіе многихъ эпическихъ подробностей, по свидѣтельству которыхъ: а) чудовищные Змѣи разбѣзжаютъ на коняхъ; б) сказочные герои находятъ богатырскихъ жеребцовъ и кобылицъ внутри горъ (въ тучахъ), а с) самые богатырскіе кони пьютъ медовую сыту (медъ = дождь, см. Куна Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks), носить при себѣ въ пузырькахъ живую и цѣлящую воду (вып. VII. стр. 282) и ударомъ своихъ копытъ выбиваютъ подземные ключи (вып. VII, № 6; вып. VIII, № 10). Недалеко отъ Мурома—тамъ, гдѣ бьетъ родникъ, явившійся по преданію изъ-подъ копытъ богатырскаго коня Ильи-Муромца, поставлена часовня во имя Ильи Пророка, на котораго народное суевѣріе перенесло древніе атрибуты Перуна. Происхожденіе святыхъ колодезевъ, пользующихся особеннымъ религіознымъ уваженіемъ на всемъ пространствѣ земель, заселенныхъ славянами и нѣмцами, приписывается громовымъ ударамъ. Все это невольно приводитъ на память крылатаго коня Пегаса, который носилъ Зевсовы горы и молніи, и ударяя своими легкими ногами, творилъ новые источники живой воды. Народныя сказки нерѣдко говорятъ о *морскихъ* кобылицахъ, выходящихъ изъ глубины водъ; купаясь въ молокѣ этихъ баснословныхъ кобылицъ, добрый молодецъ становится юнымъ, могучимъ и красивымъ, а врагъ его, дѣлая то же самое погибаетъ смертію. Какъ вмѣстилища дождевыхъ потоковъ, тучи не рѣдко уподоблялись морю;

отсюда легко объясняется, почему мифическимъ кобылицамъ приданъ эпитетъ «морскихъ или водяныхъ»; молоко ихъ есть живая вода — дождь. Съ весенними дождями оканчивается владычество Зимы, и возрожденная природа является въ своемъ роскошномъ убранствѣ, что и выражено баснею о купаньи въ кобыльемъ молокѣ.

Вмѣстѣ съ героемъ сказки отправляются на летучемъ кораблѣ разные спутники, принадлежащіе къ породѣ великановъ: а) *Объдало*, который разомъ пожираетъ двѣнадцать быковъ, хлѣбъ кидаетъ въ ротъ полными возами, и все кричитъ: мало! б) *Опивало*, которому цѣлое озеро — на одинъ глотокъ становится; опорожнить сорокъ огромныхъ бочекъ вина — для него ничтожное дѣло! с) *Скороходъ* — на одной ногѣ идетъ, а другая къ уху подвязана; если онъ захочетъ воспользоваться обѣими ногами, то за одинъ шагъ весь свѣтъ перешагнетъ. д) *Стрѣлокъ*, который на тысячу верстъ такъ мѣтко попадаетъ въ цѣль, что ему ни по-чѣмъ попасть въ глазъ мухи. е) *Чуткой* — слухъ его такой тонкій, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ; прилегая ухомъ къ землѣ, онъ узнаетъ, что на томъ свѣтѣ дѣлается. ф) *Морозъ-Трескунъ* или *Студенецъ* — онъ входитъ въ чугунную, до-красна накалившую баню, въ одномъ углу *дунулъ*, въ другомъ *плюнулъ*, — глядь — ужъ вездѣ иней да сосульки висятъ! г) Наконецъ старикъ съ вязанкою дровъ, которая стѣбитъ только разбросать, какъ вмигъ явится безчисленное войско. Царь, отецъ красавицы, требуетъ отъ добраго молодца, чтобы онъ заявилъ свою богатырскую мощь. И вотъ по приказу царскому выставлены для него горы печеныхъ хлѣбовъ, двѣнадцать жареныхъ быковъ и сорокъ бочекъ вина: надо все съѣсть и выпить. Въ этомъ дѣлѣ помогаютъ ему *Объдало* да *Опивало*. Потомъ приказываетъ царь молодцу, чтобы онъ въ короткое время, пока будетъ обѣдь продолжаться, добылъ и принесъ живой воды. Вмѣсто молодца, бѣжитъ за водою *Скороходъ*, но на обратномъ пути засыпаетъ крѣпкимъ сномъ. *Чуткой* услыхалъ его храпъ и сказалъ *Стрѣлку*; *Стрѣлокъ* разбудилъ соню своимъ выстрѣломъ, и

живая вода была доставлена во время. Морозъ-Трескунъ спасаетъ молодца отъ раскаленной чугунной бани; а старикъ съ вязанкою дровъ выставляетъ столько войска, что царь покоряется и уступаетъ жениху свою прекрасную дочь. Вариантъ, сообщенный г. Худяковымъ (вып. I, № 33) отличается нѣкоторыми особенностями; въ немъ выведены еще два богатыря: Дубыня и другой, съ такою силою дующей изъ своихъ ноздрей, что за тысячу верстъ вертеть крылья мельницы, гонитъ корабли, опрокидываетъ и уноситъ на воздухъ царскія войска. Является въ нѣкое царство добрый молодецъ Ивашко, и слышитъ—всему народу объявлено, что царевна выйдетъ замужъ за того, кто ее перегонитъ и прежде ея принесетъ изъ колодца воды; а кто возьмется за такой подвигъ, да не перегонитъ—съ того голова долой. Сама же царевна куда шибко бѣгала! Ивашко выставилъ за себя скорохода;—понесся скороходъ быстрѣ стрѣлы, добѣжалъ до колодца, почерпнулъ въ кружку—и назадъ; на половинѣ дороги поставилъ кружку на-земь и утомленный легъ спать,—а царевна еще далеко до колодца не добѣжала; увидала спящаго соперника, взяла его полную кружку, а свою пустую оставила на мѣстѣ, и повернула домой. Пробужденный стрѣлою, Скороходъ успѣлъ сбѣгать къ колодцу и воротился съ водою раньше царевны. Не захотѣлось царю выдавать дочери за Ивашку,—вздумалъ откупаться деньгами. Ивашко потребовалъ столько золота, сколько одинъ человекъ поднять можетъ, и велѣлъ собирать со всего царства холсты и шить огромный мѣшокъ. Сшили мѣшокъ, наполнили золотомъ; думаютъ—никто не подыметъ; а Дубыня взялъ его и спокойно понесъ. Жалко стало царю золота, послалъ за богатырями въ погоню большое воинство. Ивашко съ товарищами уже плыли въ ладьяхъ по морю; видя то, и царское войско посажалось на корабли и пустилось за ними. Тогда тотъ изъ богатырей, что былъ мастеръ дуть, подынялъ сильные вѣтры: изъ одной ноздри направилъ онъ вихрь противъ царскихъ кораблей, а изъ другой подулъ на свои собственные паруса; корабли назадъ отбросило,

а ладнѣ живо къ другому берегу прибило. Точно такая же сказка есть у сербовъ. «Дјевојка бржа од коња» (В. Карадж., № 24). Красота этой дѣвицы описана такъ: «Била је некака хевојка која није рођена од оца и мајке, него је начиниле виле од снијега извађена из јаме бездање према сунцу Илијнскоме, вјетар је оживио, роса је подојила, а гора литћет обукла и ливада цвијећем накитила и наресила. Она је била *бјеља од снијега, руменија од ружице, сјајнија од сунца.*» Чудная дѣва объявила по всему свѣту: кто, сидя на конѣ, перегонитъ ее, за того она пойдетъ замужъ; но такой подвигъ былъ весьма труденъ, потому что на бѣгу она выпускала «некака мала крила испод пазуха» и съ помощію своихъ крыльевъ неслась быстрѣ всякаго коня. Не менѣе любопытна итальянская редакція сказки (*Der Pentameron*, ч. 1, № 28): Масціоне отправляется закупать товары, на пути встрѣчаетъ разныхъ богатырей и беретъ ихъ съ собою.—Я, говоритъ о себѣ одинъ изъ богатырей, называюсь *Молнія изъ Стрѣлограда* и могу бѣгать также быстро, какъ вѣтеръ. — Меня, говоритъ другой, называютъ *Заячье ухо изъ города Любопытныхъ*: если я прилягу ухомъ къ землѣ, то узнаю все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ.—Мое имя, замѣчаетъ третій, *Хорошо-стрѣлай* изъ мѣстечка *Прямо-въ цѣль*.—А меня, прибавляетъ четвертый, зовутъ *Дуй-богатырь* (*Blasius*) изъ *Вѣтрограда*; своимъ ртомъ я могу производить всякіе вѣтры: захочу—и повѣетъ тихій зефиръ, вздумаю—и зашумитъ свирѣпой бурей!—и въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ началъ дуть такъ сильно, что поднялась буря и низвергла цѣлые ряды вѣковыхъ дубовъ. — Мое имя, говоритъ наконецъ пятый, *Крѣпкая Спина*, родомъ изъ *Твердой Скалы*; я могу поднять на плечи громадную гору, и она покажется мнѣ не тяжеле пера. Спутники прибыли въ нѣкое государство, гдѣ царствовалъ король, а у него была дочь, которая бѣгала съ быстротой и легкостью вѣтра: когда она неслась по нивамъ — подъ ея стопами даже негнулись колосья! Король обѣщаль выдать свою дочь за того, кто превзойдетъ ее въ бѣгѣ.

Богатырь—Молнія опередилъ ее; но король назначилъ перебѣжку, а королева подарила своему сопернику перстень съ волшебнымъ камнемъ: тотъ, кто надѣвалъ этотъ перстень на палець, ни за что не могъ тронуться съ мѣста. Заячье Ухо прислушался и узналъ про коварный умыселъ; стрѣлокъ пустилъ съ тугаго лука стрѣлу и сбиль съ кольца волшебный камень; королева была побѣждена, король предложилъ за дочь выкупъ, и Крѣпкая Спина забрала у него все серебро и золото.

Всѣ эти сказочные богатыри суть олицетворенія могучихъ силъ природы. Опивало есть особенное имя бога-громовника, рушителя и разверзателя дождевыхъ тучъ; поглотивъ въ себя цѣлое море, онъ низвергаетъ потомъ изъ своей пасти воду, и шумными потоками затопляетъ всѣ окрестныя поля и луга. Въ одной норвежской сказкѣ (ч. II, № 16) ему придано названіе Meer-sauger (*высасыватель моря*), ибо въ три добрыхъ глотка онъ осушаетъ пространное и глубокое море. Это тотъ же сказочный Змѣй (*Smok—сосунъ*), который до какой рѣчки ни придетъ—ту и выпьетъ словно лужицу, и который начинаетъ напоследокъ тянуть самое море и до того опивается, что съ трескомъ лопается (*Lud Ukrainski*, т. I, стр. 268—9): прекрасное поэтическое изображеніе переполнившейся дождемъ тучи, которая изливается на землю при оглушительныхъ ударахъ грома и затѣмъ пропадаетъ съ неба. Сказки приписываютъ Опивалѣ неумѣренное поглощеніе *вина*, и это имѣетъ свое мифическое значеніе, потому что въ числѣ другихъ метафорическихъ уподобленій дождя одно изъ наиболее-употребительныхъ было уподобленіе его опьяняющимъ напиткамъ; сравни выраженія *пить* и *пьянство*, *вода* и *водка*, *живая вода* *l'eau de vie* (смотри подробныя и остроумныя розысканія по этому предмету въ сочиненіи Куна—о происхожденіи огня и божественнаго напитка). Въ нашемъ простонародьи существуетъ слѣдующій разсказъ о кривой царевнѣ: Никто не могъ возвратитъ ей утраченное зрѣніе. Вызвался помочь ей *пьяница*. Для этого поѣхалъ онъ въ змѣиное царство, гдѣ жили одни

змѣи да гады; а кругомъ города лежала большая змѣя, обвинившись кольцомъ. Пьяница воспользовался сномъ исполнинской змѣи, сдѣлалъ веревочную мѣстницу съ желѣзными крюками на концѣ, накинулъ ее на городскую стѣну и забрался въ городъ. Посреди города былъ *камень* (туча), а подь камнемъ цѣлебная мазь (дождь): если помазать ею глаза, то слѣпота тотчасъ пройдетъ. Взялъ онъ эту мазь, спряталъ подь мышку, сѣлъ на корабль—и въ море. Пробудилась большая змѣя, погналась за вормъ; плыветъ по морю, а подь ней вода словно въ котлѣ кипитъ; махнула хвостомъ—и разбила корабль въ дребезги. Но пьяница выплылъ на берегъ и вылѣчилъ кривую царевну, т. е. по просту: Перунъ, громитель тучъ, *выпилъ* или *похитилъ* изъ нихъ дождь, и всевидящее око-солнце, потемненное передь тѣмъ облаками (такъ сказать—ослѣпленное ими), является со всемъ своимъ блескомъ на прояснѣвшемъ небосклонѣ (смотри прим. къ 1-му вып. сказокъ, стр. 152—4). Лицо *Объѣдалы* создано народною фантазіей въ соотвѣтствіе *Опивалѣ*; какъ тотъ много пьетъ, такъ этотъ много пожираетъ. Идея, выражаемая ими, таже самая: онъ пожираетъ быковъ, въ образѣ которыхъ (какъ мы знаемъ) доисторическая старина олицетворяла тучи. Морозъ-Трескунъ уже самымъ названіемъ указываетъ на свое значеніе; его *дуновеніе* производитъ холодъ, а иней и сосульки названы его *слюнями*. Въ вариантѣ, напечатанномъ у г. Худякова (вып. I, стр. 119), богатырь этотъ является съ подвязанными волосами, и только распуская свои волосы, производитъ сильную стужу: *волоса*—метафора темныхъ тучъ. Очевидно, что народныя сказки разумѣютъ подь Морозомъ не отвлеченное, умственное понятіе, а живой образъ, олицетворившій въ человѣческихъ формахъ осеннюю или зимнюю тучу, вѣющую холодомъ и убирающую все въ иней и сосульки. Богатырь, дующій ртомъ и ноздрями и напоминающій своимъ бурнымъ дуновеніемъ свистъ Соловья-разбойника и средневѣковыя изображенія вѣтровъ, есть олицетвореніе вихря. Крѣпкая Спина, богатырь итальянской сказки, соотвѣтствуетъ нашему Горынь. Всѣ остальные богатыри

олицетворяютъ молнію; объясненіе различныхъ названій, приданныхъ имъ, надо искать въ старинныхъ метафорическихъ сближеніяхъ блестящей мелькающей молніи съ другими предметами. Скороходъ выражаетъ ея неуловимую быстроту; въ итальянской редакціи онъ прямо названъ молніей. Стрѣлокъ и старикъ съ вязанкою дровъ указываютъ на связь молніи съ стрѣлами, палицей и вообще оружіемъ; сокрушительная сила грозы послужила основаніемъ, опираясь на которое — фантазія надѣлила божество грома лукомъ, мѣткими стрѣлами и несокрушимою палицею. Пуская стрѣлы и бросая палицу, Перунъ истребляетъ своихъ демоническихъ враговъ. Это метаніе палицы (палки, дубинки) выражено въ сказкахъ разбрасываньемъ вязанки дровъ, вслѣдъ за которымъ появляются несчетныя войска, поражающія непріятеля.

Сверхъ разнообразныхъ зооморфическихъ представленій, силамъ природы издревле придавались и человѣческіе образы; облака и тучи олицетворялись прекрасными полногрудыми дѣвами и женами; соотвѣтственно представленію тучъ деревьями (лѣсами), моремъ — вмѣстилищемъ дождя и коровами; дѣвы и жены эти назывались лѣсными и морскими (водяными) нимфами, поливающими изъ своихъ сосудовъ плодотворные источники), и вѣдмами, доящими небесныхъ коровъ. Въ грозѣ и бурѣ видѣли свадебное торжество бога-громовника, вступающаго въ брачный союзъ съ прекрасною нимфою, или стремительное преслѣдованіе имъ красавицы, убѣгающей его объятій. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дьявольскою пляскою: чортъ женится на вѣдмѣ и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ пляскѣ и подымаетъ пыль столбомъ. Въ нашемъ простонародьи ходитъ много разсказовъ о томъ, какъ вѣдмы сдружаются съ чертями и вмѣстѣ съ ними заводятъ ночныя нецѣломудренныя гульбища; у нѣмцевъ сохранились превосходныя поэтическія преданія о дикой охотѣ Одина (Wodans wilde Jagd), преслѣдующаго нимфу (Wolkenfrau, Windsbraut). Обращаясь къ приведеннымъ сказкамъ, мы видимъ, что добрый молодець, съ помощію

своихъ могучихъ товарищей, или прямѣе — самъ Перунъ обгоняетъ *легкокрылую* красавицу-невѣсту и добываетъ *живую воду* и множество *золота* (т. е. проливаетъ дождь и выводитъ изъ-за тучъ яркое весеннее солнце). Иногда вмѣсто дѣвы-тучи сказки выводятъ невѣстою дѣву-солнце; въ этомъ отношеніи особенно любопытны редакціи нѣмецкая и чешская.

Содержаніе нѣмецкой сказки (Kinder—und-Hausmährchen братьевъ Гриммовъ, т. II, № 134) таково: царевичъ отправляется сватать прекрасную королеву, мать которой была волшебница. На дорогѣ ему попадаются великаны: а) *Толстякъ* (der Dicke)—не смотря на то, что его брюхо равнялось горѣ, онъ могъ расширяться по произволу и сдѣлаться еще толще, хоть въ три тысячи разъ; б) *Длинный* (der Lange), который могъ вытягиваться вверхъ по своему желанію, и когда хотѣлъ—превосходилъ ростомъ самыя высокія горы; в) *Чуткой на ухо* (der Horcher) и d) двое съ необычайно острымъ зрѣніемъ (die Scharfäugigen): одинъ изъ нихъ обладалъ такою длиною шею, что могъ глядѣть черезъ горы, и такими зоркими очами, что могъ видѣть весь свѣтъ; а другой вынужденъ былъ носить на глазахъ повязку, потому что взгляды его были такъ остры, что отъ нихъ распадалось все въ дребезги. Первая задача, которую возложила на жениха королева-волшебница, была: достать брошенное въ море кольцо. Толстякъ припалъ къ морю устами и потянулъ въ себя воду; волны покатались въ его брюхо, словно въ пропасть, и въ короткое время онъ вытянулъ все море; на открытомъ днѣ товарищъ съ зоркими очами усмотрѣлъ кольцо, а Длинный досталъ и принесъ то кольцо царевичу. Вторая задача состояла въ повелѣніи съѣсть триста жирныхъ, откормленныхъ быковъ съ костями, кожей и рогами, такъ чтобы не оставался несъѣденнымъ ни единый волосъ и осушить до капли триста бочекъ вина. Царевичъ испросилъ позволеніе раздѣлить этотъ обѣдъ съ однимъ изъ своихъ товарищей и пригласилъ Толстяка, который все пожралъ и выпилъ. Задавая царевичу третью задачу, волшебница

сказала: «сегодня вечеромъ я приведу въ твою комнату мою дочь; ты долженъ держать ее въ своихъ объятіяхъ; но берегись, чтобы не заснуть! Ровно въ двѣнадцать часовъ явлюсь я, и если ея не будетъ въ твоихъ рукахъ— ты погибъ!» Вечеромъ царевичъ взялъ королеву въ свои объятія; вокругъ ихъ обвился Длинный, а Толстякъ заставилъ собою дверь такъ плотно, что ни одна живая душа не могла пролезть въ комнату. Время шло, а красавица не промолвила ни слова. Въ одиннадцать часовъ королева наслала на царевича и его помощниковъ крѣпкій сонъ, и въ это мгновеніе невѣста была похищена. Когда уже было безъ четверти двѣнадцать, очарованіе потеряло силу, царевичъ проснулся и воскликнулъ: «увы, теперь я погибъ!»—Тише! возразилъ Чуткой, дайте-ка я прислушаюсь. Онъ прислушался и сказалъ: «королева сидитъ въ скалѣ, на триста часовъ разстоянія отсюда и клянеть свою судьбу. Но Длинный можетъ поправить дѣло: нара шаговъ—и онъ будетъ тамъ.»—Да, отвѣчалъ Длинный, только пусть со мной отправится товарищъ съ завязанными глазами, чтобы разрушить скалу. Быстро очутились они передъ заколдованною скалою, и когда Острозоркій снялъ повязку съ своихъ очей и взглянулъ, то скала въ тотъ-же мигъ разлетѣлась на тысячи кусковъ. Длинный взялъ королеву на руки и принесъ къ жениху. Задачи были выполнены, царевичъ поѣхалъ вѣнчаться съ своею красавицей; но королева двинула за ними войско и приказала силою отнять свою дочь. Тогда Толстякъ выплюнулъ часть морской воды, выпитой имъ прежде, и тотчасъ стало большое озеро и потопило погоню. Королева отправила новое войско, но и это погибло отъ сокрушительныхъ очей Острозоркаго. Подобная-же сказка у чеховъ извѣстна подъ заглавіемъ: «Dlouhý, široký a Bystrozraký, (Slovanská Čitanka Эрбена, стр. 7—14). Царевичъ ѣдетъ добывать красавицу-невѣсту, заключенную злымъ чародѣемъ въ желѣзномъ замкѣ. Ему помогаютъ: а) Длинный, который можетъ вытянуться такъ высоко, что головой своею достанетъ облака; при такомъ ростѣ ему ничего не значать про-

странства; сдѣлаеть шагъ или два—и очутится невѣдомо гдѣ! b) *Широкій* (Толстякъ), брюхо котораго можетъ быстро расти во всѣ стороны и сравняться съ любою горою, и c) *Быстрозоркій*, отъ взоровъ котораго воспаляется огнемъ все, что только можетъ горѣть, а крѣпчайшія скалы трескаются и разсыпаются въ песокъ, подобно тому, какъ распадаются столбы отъ взоровъ іотуновъ въ одной изъ пѣсенъ древней Эдды (изд. Симрока, стр. 47). Царевичъ и его помощники являются къ старику-чародѣю, съ сѣдой бородой по колѣна; на немъ длинная черная одежда и вмѣсто пояса три *железные обруча*. «Если ты, сказалъ чародѣй царевичу, съумѣешь уберечь красавицу три ночи—она будетъ твоя; въ противномъ же случаѣ ты самъ и твои товарищи будете *превращены въ камень*—точно также, какъ превращены всѣ тѣ, которые являлись прежде тебя.» Наступила ночь, и царевичъ сѣлъ возлѣ блѣдной и печальной красавицы; она не смѣялась и не говорила ни слова, — точно была изъ мрамора. Царевичъ рѣшился не спать цѣлую ночь; для большей безопасности, Длинный вытянулся подобно ремню и обвился вокругъ всей комнаты по стѣнамъ; Широкий заложилъ собою двери, а Быстрозоркій сталъ за столбомъ на стражу. Но это нисколько не помогло: всѣ они заснули крѣпкимъ сномъ, а пробудясь—не нашли красавицы. «За сто миль отсюда есть лѣсъ, среди лѣса старый дубъ, на дубѣ желудь, и этотъ желудь—она!» сказалъ богатырь съ зоркими очами. Благодаря своимъ товарищамъ, царевичъ возвращаетъ ее назадъ вбѣремя. На вторую ночь красная дѣвица очутилась за двѣсти миль: тамъ была гора, на горѣ скала, въ скалѣ драгоценный камень, и этотъ камень—сама невѣста; а на третью ночь—за триста миль: на днѣ чернаго моря лежала раковина, въ раковинѣ кольцо, и это кольцо—красная дѣвица! Царевичъ находитъ ее и въ скалѣ, и на днѣ моря, и каждое утро, какъ только увидитъ чародѣй красавицу въ комнатѣ жениха, съ его тѣла спадаетъ по одному железнаму обручу, и вмѣстѣ съ тѣмъ оживляются понемногу и окамененные имъ герои съ ихъ

конями и слугами. Когда допнулъ послѣдній обручъ — чародѣй превратился въ ворона и улетѣлъ въ разбитое окно; красавица зарумянилась какъ роза, и стала благодарить царевича за свое избавленіе; въ замкѣ и въ окрестностяхъ все пришло въ движеніе: окамененные ожили, деревья зазеленѣли, поля запестрѣли цвѣтами, воздухъ огласился пѣснями жаворонковъ, и въ рѣкѣ появились стаи маленькихъ рыбокъ. Всюду жизнь, всюду радость!

Смыслъ преданія, развиваемаго въ этихъ двухъ сказкахъ, весьма знаменателенъ. Богатыри, дѣйствующіе въ нихъ,—тѣ же самые, съ какими мы познакомились выше. Толстякъ или Широкій соотвѣтствуетъ нашему Опивалѣ; онъ и Длинный въ живыхъ поэтическихъ образахъ выражаютъ то естественное явленіе, что надвигающаяся на небо туча быстро расширяется во всѣ стороны и обнимаетъ собою весь горизонтъ. Брюхо Толстяка, вмѣщающее въ себѣ цѣлое море, напоминаетъ намъ нѣкоторыя мѣста гимновъ Ригъ-Веды, гдѣ Индра представляется жадно-поглощающимъ божественный нектаръ (сома=дождь), въ свою неизмѣримую утробу. Быстрозоркій тоже, что Вій, т. е. Перунъ, мечущій изъ своихъ глазъ молніи и разбивающій ими скалы-тучи. Какъ Опивало и Толстякъ имѣютъ своихъ двойниковъ въ Обѣдалѣ и Длинномъ, такъ на ряду съ богатыремъ всевидящимъ народная фантазія создала еще другаго всеслышащаго (Чуткаго); а нѣмецкая сказка представленіе о богатырѣ съ зоркимъ зрѣніемъ раздробила на два отдѣльныхъ лица: одному приписала способность все видѣть, а другому—пожигать очами. Красавица-Солнце попадаетъ во власть стараго чародѣя (Зимы) и повергается въ то же очарованное состояніе, какъ и царица спящаго или окамененаго царства: она блѣдна и молчалива, на устахъ ея не видать улыбки, на щекахъ румянца. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа: деревья, поля и воды лишены жизни и движенія. До сихъ поръ небо, заволоченное тучами и туманами, называется *хмурымъ* («смотрѣть хмуро, смотрѣть сентябремъ» т. е. невесело, сердито), и, согласно съ этимъ, пасмурная зимняя природа представляется въ

народныхъ сказкахъ *Песельною-царевною*; напротивъ, когда на потемненномъ горизонтѣ проглянетъ наконецъ солнышко, то слышатся выраженія: «небо начинаетъ *улыбаться* или *разгуливаться*.» При восходѣ своемъ солнце окрашиваетъ небо розовыми красками, и отражаясь въ капляхъ утренней росы—какъ-бы претворяетъ ихъ въ блестящіе брилліанты и жемчугъ, что на языкѣ метафорическомъ перешло въ сказаніе о красавицѣ Зорѣ, которая, когда улыбается, то сыплются розы, а когда плачетъ, то вмѣсто слезъ падаютъ самоцвѣтные камни. (*) Очарованная дѣва-Солнце сидитъ въ *жельзномъ* замкѣ, т. е. закрыта холодными зимними облаками и туманами; чародѣй, который держитъ ее въ этомъ заключеніи, играетъ ту-же роль, какую въ другихъ сказкахъ исполняютъ лютый Змѣй и Кощей Безсмертный, а три *жельзныхъ* обруча на его тѣлѣ есть символъ зимней стужи, замыкающей дождевыя хляби въ облакахъ и тучахъ. Мы до сихъ поръ выражаемся о зимѣ, что она *сковываетъ* рѣки и *оуплняетъ* природу т. е. налагаетъ на нее желѣзные цѣпи; сравни Eis—ледь (eisen—колоть ледъ) и Eisen—желѣзо. Съ Михайлова дня (8 ноября) зима *куетъ* морозы (Сказан. Рус. нар., т. 2, стр. 65). Освобожденіе красавицы дѣлается возможнымъ только тогда, когда наступаетъ весна и появляется добрый молодецъ Перунъ съ своими всесильными спутниками (**), и когда подъ вліяніемъ весенней теплоты лопаются желѣзные обручи, наложенныя на дождевыя хранилища. Въ одной нѣмецкой сказкѣ читаемъ: «im Schlosse lag ein mächtiges Fass mit drei eisernen Reifen. Darin schlief der Drache seinen Jahresschlaf. Der war gerade zu Ende. Nur einmal sprang ein Reif, bald sprang der zweite und der dritte und krachte jedesmal so gewaltig wie ein Donnerschlag». (Гальтриха, стр. 123—4). Змѣй пробуждается отъ годоваго зимняго сна; на *бочкѣ* (т. е. тучѣ), въ которой онъ за-

(*) Сходство росы, слезъ и жемчуга повело къ повѣрью, будто видѣть во снѣ жемчугъ—превѣщаетъ слезы.

(**) Онъ находитъ красавицу въ морѣ—золотымъ кольцомъ, на дубу—жолудемъ, въ скалѣ—драгоценнымъ камнемъ; море, дубъ и скала—метафоры тучи, а золотое *кольцо* (*коло, колесо*) и драгоценный камень—солнца.

ключень, лопаются сжимавшіе ее обручи, и лопаясь производят громовые удары. Дождевое облако издревле уподоблялось плавающему по небу *кораблю*, *ящичку* и *бочкѣ* (сравни: *корабль* и *коробѣ*). Такъ какъ на зиму богъ-громовникъ засыпаетъ въ тучѣ или умираетъ въ ней, оцѣпененный холодомъ; то въ этомъ смыслѣ корабль-облако и бочка-туча уподобились *гробу*. Народная загадка: «*гробѣ плыветѣ, мертвецѣ реветѣ, ладонѣ пышетѣ, свѣчи горятѣ*» означаетъ *тучу*, *громѣ* и *молнію*. Малороссійское *нава*, санск. *nāvas*, греч. *vaiſ*, латин. *navis*) означаетъ вмѣстѣ и корабль (судно) и гробъ; *навье*—въ лѣтописяхъ—мертвецъ. Душу сопшихъ, по древнѣйшему представленію, плыли въ страну блаженныхъ по воздушному океану на летучихъ корабляхъ т. е. облакахъ; отсюда возникли преданія о перевозѣ душъ на ладѣ или кораблѣ мнѣическимъ кормчимъ (у грековъ Хорономъ) и обычай давать гробамъ форму лодокъ. Враждебный Тифонъ, приготовивши богато-изукрашенный ящикъ, объявилъ на пиру, что подаритъ его тому, кому онъ прійдется по мѣркѣ. Всѣ стали примѣриваться,—и какъ только Озирисъ улегся въ ящикъ, Тифонъ захлопнулъ крышкою и бросилъ его въ Нилъ. То же сказаніе встрѣчаемъ въ былинѣ про великана Святогора (Пѣсни Рыбник. ч. 1, стр. 40—42): Святогоръ съ Ильей Муромцемъ наѣхали на великій гробъ и прочитали на немъ надпись: кому суждено покониться въ этомъ гробу, тотъ въ немъ и уляжется. Сталъ Святогоръ примѣриваться,—легъ въ гробъ и закрылся крышкою; хотѣлъ потомъ поднять ее—и не можетъ. Илья-Муромецъ беретъ его мечъ-кладенецъ, бьетъ поперегъ крышки, но за каждымъ ударомъ на гробъ является *жельзная полоса*, и великанъ Святогоръ (гора=туча) умираетъ т. е. оковывается холодомъ и засыпаетъ зимнимъ сномъ. Та же судьба постигаетъ великана и въ кашубскомъ преданіи (Этногр. Сборн., вып. V, стр. 115). Пробужденіе къ жизни вѣщихъ мертвецовъ (колдуновъ и вѣдьмъ, которымъ народное суевѣріе приписываетъ воздушные полеты, скрадываніе дождя, и доеніе небесныхъ коровъ) обыкновенно сопровождается

въ нашихъ сказкахъ распаденіемъ желѣзныхъ обручей, набитыхъ на ихъ гробы. Въ уподобленіи дождевой тучѣ плавающей бочкѣ находитъ объясненіе и слѣдующій часто-повторяемый въ народномъ эпосѣ разсказъ: царица, посаженная въ окованную желѣзными обручами бочку и пущенная въ море (небо), раждаетъ въ заключеніи сына-богатыря (бога громовника), который растетъ ни по днямъ, ни по часамъ, а по минутамъ, вытягивается и разрываетъ бочку на части. Отсюда же возникло вѣрованіе въ волшебный боченокъ, изъ котораго (только постучи въ него) является несмѣтное войско, и другое вѣрованіе въ боченокъ неисчерпаемый, изъ котораго—сколько ни лей—онъ все полонъ. Въ сказкѣ о Марьѣ-Моревнѣ Змѣй, умертвивши царевича, кладетъ ее въ засмоленную бочку, скрѣпляетъ желѣзными обручами и бросаетъ въ море; но являются три птицы, олицетвореніе весенней грозы и спасаютъ царевича: орелъ воздымаетъ бурю и волны выкидываютъ бочку на берегъ, соколъ уноситъ ее въ поднебесье, бросаетъ съ высоты и разбиваетъ на части, а воронъ оживляетъ мѣлодца живою водою (сравни у Валявца стр. 2 и 24, и въ сербск. приповѣдкахъ, стр. 24). По свидѣтельству валахской (№ 11) и другихъ сказокъ обручи и цѣпи тотчасъ лопаются на змѣѣ, какъ скоро онъ напьется воды или вина, т. е. какъ скоро утроба его наполнится дождевою влагою. Согласно съ этими данными, въ чешской сказкѣ чародѣй, когда спали съ него желѣзные обручи, оборачивается вѣрономъ и улетаетъ въ разбитое окно, т. е. въ переводѣ метафорическихъ выраженій на простой языкъ: сиѣжныя тучи превращаются весною въ дождевые потоки (воронъ—птица, приносящая живую воду или всеоживляющій дождь), и вслѣдъ затѣмъ земля одѣвается зеленью и цвѣтами, въ лѣсахъ и поляхъ начинаютъ пѣть птицы, въ водахъ плещутся рыбы, красавица-Солнце улыбается, на лицѣ ея появляется румянецъ, а въ очахъ веселье.

Солнце, удаляющееся на зиму, не всегда представляется въ сказкахъ царевною заколдованною или насильнопохищаемою злымъ демономъ. Цѣлый разрядъ сказокъ

говорить объ измѣнѣ красавицы-жены своему мужу-богатырю; она отдается другому враждебному королю, уходитъ съ нимъ въ далекое государство и уноситъ съ собою разныя диковинки, символы лѣтней природы; чтобы возвратить все это, покинутый мужъ долженъ бороться съ величайшими затрудненіями, но въ свое время онъ все-таки одолеваетъ ихъ и получаетъ обратно и жену и диковинныя вещи (см. сказки о Вошебномъ кольцѣ и «Рога»). Въ основѣ этого преданія скрывается мысль о временномъ союзѣ красавицы-Солнца съ лѣтнею природою, о переходѣ ея во власть враждебной зимы, когда она какъ-бы измѣняетъ своему законному супругу и предается коварному обольстителю, и о возстановленіи съ новой весною прежняго благодатнаго брака.

Мы коснулись только нѣкоторыхъ сторонъ сказочнаго эпоса, и разумѣется далеко не исчерпали его богатаго содержанія. Поэзія и мифологія найдетъ въ немъ прекрасныя и обильныя матеріалы. Вѣща звѣри, птицы, деревья и травы, разнообразныя превращенія, волшебныя диковинки, змѣи, великаны и карлики — все это имѣетъ свое значеніе, свой смыслъ. Добрый молодецъ съ солнцемъ во лбу напоминаетъ Одина, а герой, у котораго по всему тѣлу часты звѣзды, — многоочитаго Аргуса; сказка о Снѣгуркѣ родственна съ германскими представленіями о королѣ Снѣгѣ (König Schnee) и его дочеряхъ; сказка о богатыряхъ — безногомъ и слѣпомъ передаетъ тотъ-же сюжетъ, который въ такихъ поэтическихъ краскахъ и въ такой суровой драматической обстановкѣ развитъ въ поэмѣ о Нибелунгахъ и проч. Не останавливаясь на этихъ любопытныхъ сказаніяхъ, объясненіе которыхъ потребовало бы цѣлой книги, мы думаемъ, что и приведенныхъ изслѣдованій уже достаточно, чтобы видѣть всю важность и интересъ народнаго сказочнаго эпоса